

A
Ф 39

На правах рукописи

Фельдман Михаил Аркадьевич

**РАБОЧИЕ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА
В 1914 – 1941 гг.
(ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ, СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК)**

специальность 07. 00.02. – Отечественная история

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Научная библиотека
Уральского
Государственного
Университета

Екатеринбург
2001

Работа выполнена на кафедре истории России исторического факультета
Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Научный консультант: доктор исторических наук,
профессор Н.Н. Попов

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор М. Е. Главацкий

доктор исторических наук, Л.Н. Мартюшев

доктор исторических наук, профессор С.В. Яров

Ведущая организация: Институт истории и археологии Уральского
отделения РАН

Защита диссертации состоится 28 декабря 2001 г. в 14. часов на
заседании диссертационного совета Д. 212.286.04 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора исторических наук в Уральском
государственном университете им. А.М. Горького (620083, Екатеринбург, К-83,
пр. Ленина, 51, Уральский государственный университет, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского
государственного университета.

Автореферат разослан 27 января 2001г

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор исторических наук,

профессор

В.А.Кузьмин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Под влиянием модернизации, проходившей в России в первые десятилетия XX в., ускорился процесс трансформации общества, включавший формирование индустриальных рабочих кадров. Вместе с тем выборочный характер модернизации в России приводил к тому, что государство либо отталкивало, либо устраняло часть тех социальных слоев, которые выступали в качестве носителей модернизации. Начиная с 1917 г., курс на построение общества социальной справедливости был связан с “руководящей и созидающей” ролью рабочего класса. Вследствие этого и в силу места, которое занимают рабочие крупной промышленности в системе материального производства, от количественных и качественных характеристик рабочего социума зависели темпы и формы модернизации в СССР – комплексного процесса, охватывающего экономическую, социальную, правовую, политическую, культурную сферы жизни общества.

Без поддержки рабочих были бы невозможны те итоги индустриализации, которые можно отнести к позитивным. В чем конкретно выражалась эта поддержка? Как строились и видоизменялись отношения различных социальных групп среди рабочих крупной промышленности Урала? Насколько культурный потенциал уральских рабочих позволял осуществить преобразования в духовной жизни? От ответов на поставленные вопросы зависят многие оценки истории России XX в., прежде всего, проблемы социокультурной цены революционных потрясений и форсированной индустриализации в СССР, характеристики общества, сформировавшегося в стране к рубежу 30 – 40-х гг.

Важность научной проблемы определяется и тем, что от действий рабочих масс на протяжении XX в. неоднократно зависели не только реализация, частичное выполнение или крах отдельных государственных программ, но и судьба политических режимов. Являясь частью социально-классовой структуры общества, промышленные рабочие выступают объектом государственной политики. Отсюда вытекает необходимость познания закономерностей и особенностей динамики изменений количественных и качественных характеристик рабочих крупной промышленности, что предусматривает исследование эволюции правовых норм, обращенных к рабочим, политики властных структур по “рабочему вопросу” и анализ ее результатов в материально-бытовой, культурной и политической сферах.

Углубленный анализ данной проблемы позволяет обратиться к изучению той сферы жизнедеятельности рабочих, в освещении которой в недавнем прошлом наиболее заметны следы идеологического прессинга: производственной и общественно-политической активности рабочих, конкретного влияния рабочих на формирование культуры советского государства. На наш взгляд, изучение рабочих крупной промышленности как субъекта исторического процесса следует отнести к наименее известным проблемам, и причина подобного явления

заключается в том, что историками зачастую анализировалось не конкретное советское общество во всем его многообразии и сложности, а мифические схемы, созданные на основе идеологических постулатов, нередко под прямую диктовку сверху.

В силу того что из отраслей экономики крупная промышленность в наибольшей степени оказалась подвержена влиянию процессов ранней и поздней индустриализации, фабрично-заводские рабочие являлись наиболее развитой в социальном смысле частью рабочего класса, более всего олицетворяя структурообразующие признаки промышленных рабочих индустриального общества.

Объектом исследования являются рабочие крупной промышленности Урала. Это отряд трудящихся, который существует за счет продажи своей рабочей силы, занят преимущественно физическим трудом, работает в промышленности, имеет много общих черт в условиях труда, в способах, формах получения и в размерах заработной платы, в культурном и образовательном уровне, в структуре общественного разделения труда. Переходный тип рабочих промышленности России и Урала в 1914 – 1941 гг. требует дополнения содержания определения указанием на “постоянный характер работы”, т. к. в противном случае к рабочим промышленности будут причислены крестьяне-сезонники. Многоукладность и ведомственность дореволюционного народного хозяйства Урала в последующий период, несмотря на волны национализации и революционные потрясения, только видоизменили свою форму, соответственно влияя на структурообразование состава промышленных рабочих Урала, формируя реальные социальные группы.

Предметом исследования являются процессы, происходившие в ходе модернизации в социуме рабочих крупной промышленности Урала в 1914 – 1941 гг.: динамика численности рабочих, изменения в отраслевой структуре, социально-демографические и профессионально-квалификационные характеристики, изменения в области быта и материального положения, перемены в уровне образовательной и профессионально-технической подготовки рабочих, строение и взаимоотношения различных социальных групп внутри страта рабочих крупной промышленности Урала и степень их поддержки модернизационных процессов.

Цель исследования: выявление количественных и качественных характеристик, условий труда и быта, социального облика рабочих крупной промышленности Урала в их динамике и взаимосвязи между собой и факторами социально-экономического, политического и культурного развития России и Уральского региона в 1914 – 1941 гг.

Задачи исследования: выявить общие черты и специфику государственной политики по отношению к рабочим Урала на протяжении всего периода 1914 – 1941 гг. и конкретно на таких исторических отрезках, как этап Первой мировой и Гражданской войн; годы НЭПа; время первых пятилеток, рассмотреть динамику численности и отраслевого состава уральских рабочих под воз-

действием экономических и политических факторов, милитаризации промышленности; дать анализ источников и особенностей формирования кадров промышленных рабочих; изучить причины и характер происшедших сдвигов в половозрастном, социальном, национальном составе рабочего социума, их взаимосвязь с результатами социальной политики в Уральском регионе; исследовать уровень образовательной и профессионально-технической подготовки рабочих Урала как одну из основных характеристик социального облика на всех этапах рассматриваемого периода; перемены в отраслевой структуре, стаже, квалификации, профессиональном уровне рабочих в их динамике и взаимосвязи между собой и факторами социально-экономического, политического и культурного развития; определить содержание наиболее устойчивых элементов общей и политической культуры рабочих региона; выявить, насколько культурный потенциал рабочих крупной промышленности позволял рабочему классу быть активным участником процесса модернизации, преобразований в духовной сфере.

Территориальные рамки исследования обусловлены тем, что на протяжении всего XX в. Урал оставался одним из крупнейших промышленных регионов страны, в жизни которого отразились все наиболее закономерные процессы истории России, успехи и просчеты индустриальной и социальной политики. И в дореволюционной России, и в советский период истории Урал рассматривался как единый хозяйственный регион, что привело в 30-е гг. к созданию в крае основ территориально-производственного комплекса. Богатства недр позволили создать на территории Урала промышленную систему, включающую технологическую цепочку от добычи руды и топлива до производства высокосортных металлов и изделий из них, вследствие чего Уральский экономический район (УЭР) представлял собой единую и достаточно однородную хозяйственную единицу.

Формирование УЭР отразило все этапы развития индустриальной модернизации в России и, как следствие, стадии эволюции промышленных рабочих. Поскольку в УЭР был задействован значительный отряд рабочих крупной промышленности страны (9,4 % в 1913 г. и 8,4 % в 1940 г.), Урал позволяет выявить общие закономерности и некоторые региональные особенности истории российского пролетариата и рабочих крупной промышленности советской эпохи. До 1917 г. УЭР включал Вятскую, Пермскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии, а в советский период – территорию современных Свердловской, Пермской, Челябинской, Оренбургской, Курганской обл., Башкирии и Удмуртии. Региональная специфика позволяет расширить диапазон знания о предмете исследования, отойти от привычных стереотипов и на основе синтеза воссоздать новое, соответствующее времени представление о рабочем классе России в прошлом; выработать рекомендации, касающиеся государственной политики по отношению к рабочим.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1914 – июнь 1941 г. В эти годы российский вариант движения от аграрного к индустриальному обществу нашел яркое отражение в истории Урала. Мировая война, революция 1917 г., Гражданская война, смена политического устройства, оказывая влияние на ход исторического развития, вместе с тем не меняли вектора движения: уральская экономика решала задачи завершения раннеиндустриальной модернизации. И в России 1914 г., и в СССР 20 – 30-х гг. существовали сходные источники модернизации: необходимость ответа на военный и технологический вызов Запада, борьба за сохранение внешнеполитических и внешнеэкономических позиций. Известна преемственность разработки программ индустриализации в досоветский и в советский периоды. Тот мобилизационный тип экономики, который сформировался в России с 1914 г., получил дальнейшее развитие в Советском Союзе, на десятилетия определил взаимоотношения государства и общества, властных структур и рабочих крупной промышленности. И раннеиндустриальная модернизация, означавшая завершение промышленного переворота, и позднеиндустриальная модернизация, связанная с преобразованием процесса труда на основе научной инженерной организации, внедрением поточно-конвейерного производства, ориентированного на массовый выпуск стандартной продукции, меняли социальный облик рабочих, занятых в крупной промышленности. Вместе с тем при неизбежных трансформациях у уральских рабочих сохранялась корневая структура традиционного менталитета.

Новый этап индустриализации привел к изменению социально-демографической структуры общества, в частности, к росту удельного веса рабочих крупной промышленности Урала в самостоятельном населении края с 4 % в 1914 г. до 18 % в 1939 г. В этот период происходят глубинные процессы, меняющие облик рабочих, занятых в крупной промышленности Урала. Если к 1914 г. в составе пролетариата Урала преобладали рабочие переходного этапа от мануфактурной к фабрично-заводской эпохе, то к 1941 г. преобладающим слоем стал рабочий страт, характерный для раннеиндустриальной модернизации. Хронологические рубежи периода исследования определены вступлением нашей страны в 1914 г. в Первую мировую, а в 1941 г. в Великую Отечественную войны, оказавшие деструктивное, разрушительное воздействие на все характеристики рабочих крупной промышленности. Тем самым впервые в исторической литературе рассматриваются эволюционные процессы у промышленных рабочих от завершения периода мирного развития капитализма в России до завершения мирного этапа “социалистического строительства”.

Научная новизна данного диссертационного исследования состоит в том, что впервые на уральских материалах рассмотрены в качестве самостоятельной проблемы закономерности и особенности динамики изменений количественных и качественных характеристик рабочих крупной промышленности региона на протяжении длительного периода: 1914 – 1941 гг.; дан анализ влияния на рабочую среду таких масштабных потрясений, какими явились Первая мировая и

Гражданская войны, форсированная индустриализация. Установлены численность и отраслевой состав рабочих крупной промышленности Урала в рассматриваемый период, доказано положение о долговременном сохранении социокультурного раскола в рабочем социуме; раскрыта иерархия социальной структуры рабочих крупной промышленности на всем протяжении периода 1914–1941 гг., изучена динамика изменений показателей общеобразовательной и технической подготовки рабочих Урала, раскрыто взаимное влияние социально-экономических, внутривластных, социально-культурных факторов на формирование социального облика рабочих; показана эволюция взаимоотношений государства и рабочего социума в указанный период.

Методология и методы. Методологической основой данного исследования является модернизационная концепция. Согласно этой концепции отечественная модернизация представляет собой незавершенный цикл перехода российского общества от традиционной к индустриальной фазе развития, начатой реформами 60-х гг. XIX в. Суть концепции модернизации – в наличии взаимосвязанных и достаточно равнозначных компонентов: создании индустриальной базы со структурой отраслей и технической оснащенностью мирового уровня; взаимной автономности различных социальных сфер (включая создание развитых систем социальной защиты); развитии правовой защищенности человека. Равнозначность определена и тем, что модернизация – системное явление. Разрыв в цепи модернизации, выпадение какого-то звена ведет к блокированию всего процесса модернизации. Модернизационный подход, таким образом, не ограничивает диапазон причинно-следственных факторов развития и существования рабочих промышленности областью индустриального производства, но включает в него и состояние правовых, социальных и культурных институтов. Модернизационный подход не противоречит ни социокультурному, ни цивилизационному подходам; он является открытым для восприятия существенных элементов других концепций и подходов; признает вероятность любых вариантов реализации исторического процесса (эволюционный, революционный, комбинированный); синхронный и асинхронный типы развития, а его сторонники далеки от абсолютизации своего метода. Взаимосвязь указанных подходов заключается в том, что социокультурные и цивилизационные особенности определяют скорость модернизации и формы, в которых она осуществляется. Модернизация альтернативна, ее алгоритм меняется в зависимости от цивилизационных традиций того или иного общества. Рассматривая социокультурный аспект как равновеликий, исходя из множества взаимосвязанных факторов развития общества, теория модернизации опирается на реальный опыт, а не на утопические гипотезы. В диссертации использовались теоретико-методологические наработки подхода к исследованию проблем модернизации и развития, содержащиеся в работах В.В. Алексеева, И.В. Побережникова, В.В. Шелохаева и др.

Осмысление и методологическая обработка конкретных исторических процессов потребовали применения ряда методов научного исследования. Ос-

новополагающими принципами нашей работы являлись принципы объективности и историзма. Первый из них предполагает привлечение всей совокупности фактов; учет социальной направленности изучаемого феномена и источников, в которых он отражен, осмысление источников развития предмета; изучение фактов в единстве действительного и возможного; целостное, непредвзятое отражение предмета исследования. Второй – самооценность и самодостаточность любого состояния исторического явления, выступающего объектом исследования. В работе использованы специально-исторические методы: проблемно-хронологический – для рассмотрения количественных и качественных характеристик рабочих в динамике и хронологической последовательности. Диалектическая связь двух понятий – проблемы и хронологии – потребовала отказа от традиционных пятилетних этапов и обращения к длительным периодам исследования, позволяющих рассматривать проблему от ее зарождения до перехода к новому качественному состоянию. Сравнительно-исторический метод используется для выявления региональных и порайонных особенностей и отличий внутри рабочего социума. Этот метод позволил выделить специфику уральского отряда российских рабочих, особенности характеристик пролетариата национальных республик. Диахронный метод способствовал выработке системы критериев для выявления условий развития объекта исследования и на этой основе определения периодов истории рабочего класса Урала, имевших, свою собственную логику, смысл, самодостаточность. Так, определение критериев периода 1914 – 1928 гг. как этапа преобладания раннеиндустриальной модернизации, позволило выявить общность характеристик рабочих, невзирая на перемены политического строя, а анализ результатов Всесоюзной переписи населения 1926 г. привел автора к выводу о восстановлении и сохранении многих признаков дореволюционных рабочих. На основе синхронного метода – изучения различных событий в разных местах и одновременно – были рассмотрены, например, процессы мобилизации в армию в Первую мировую войну, сделаны выводы о глубине милитаризации в рабочих коллективах на Урале и специфике этого процесса в горнозаводских округах по ведомственному принципу; сформулирован ряд гипотез и предположений – например, о степени поддержки рабочими красного и белого лагерей в годы Гражданской войны. Метод актуализации – использования полученных исторических знаний и результатов для последующих прогнозов и рекомендаций – позволил обратиться к сопоставлению прогрессивного и регрессивного развития рабочих промышленности и инверсионно-циклического хода модернизации.

Помимо специально-исторических методов были использованы и общенаучные методы, в частности статистический (для оценки количественных показателей). Использование материалов широкого ряда переписей позволило на основе метода описательной статистики – составления таблиц – обратиться к систематизации процессов развития рабочего социума Урала. Отсутствие нужных данных за определенные годы потребовало использования методов экстра-

полянии и корреляции: так были проведены количественные исследования по выяснению удельного веса рабочих-мужчин трудоспособного возраста в 1914 – 1920 гг., показателей грамотности рабочих в 1913 г. В последнем случае были использованы математические методы, в частности уравнение прямой. Логический спектр методов (сравнительный, дедуктивный, обобщения и аналогий) позволил раскрыть причинно-следственные связи и закономерности исторического развития в их непосредственном преломлении в рабочем социуме. Системный подход позволил рассматривать рабочих крупной промышленности в системе индустриального общества с его конкретно-исторической, географической, технологической, экономической, правовой и культурной средой. Специальным методом формализации и измерения качественных признаков скрытой информации из массовых документальных источников был использован контент-анализ. Таким образом, предпринятое исследование базируется на сочетании традиционных и новых методов обработки источников. Осуществленный опыт комплексного исследования основных аспектов жизни рабочих в период 1914 – 1941 гг. не имеет аналогии в исторической литературе.

Теоретическая значимость диссертации состоит в раскрытии реальной социальной структуры, различий социокультурных и правовых отличий у рабочих крупной промышленности Урала в период создания мобилизационной экономики в России и СССР. Материалы диссертации могут быть использованы для разработки учебных курсов краеведения, спецкурсов и спецсеминаров.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его выводы и рекомендации могут быть использованы при написании обобщающих работ по социальной истории, а также по истории Урала в XX в. Кроме того, исследование может стать основой для выработки и реализации постиндустриальных программ в масштабе региона.

Апробация полученных результатов. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры истории России исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М.Горького, результаты разных этапов исследований были представлены в докладах на региональных и зональных научно-практических конференциях в 1980 – 2001 гг. в том числе: на международной научной конференции 29 ноября – 2 декабря 1999 г. “Этнокультурная история Урала XIV–XX вв.” (Екатеринбург, 1999), международной научной конференции “Европа на рубеже тысячелетий” (Екатеринбург, 1999); международной научной конференции “Урал в стратегии Второй мировой войны” (Екатеринбург, 2000); Всероссийской научной конференции “Урал на пороге третьего тысячелетия” (Екатеринбург, 2000) и др.

Основные положения диссертации изложены в монографии и 35 научных публикациях общим объемом 40,3 п.л. Результаты работы использовались в преподавании курса истории Отечества для студентов Уральского государственного университета и Уральской государственной лесотехнической академии.

Структура работы: диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, приложения, списка использованных источников и литературы. Общий объем диссертации 425 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы, определены объект, предмет, цели и задачи, хронологические и территориальные рамки исследования. Сформулированы методологические подходы и методы исследования, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе “Историография, методология, изучение проблемы, источники и методы исследования” анализируется степень научной разработанности темы, раскрываются теоретические и методологические основы изучения истории рабочих крупной промышленности.

Литература, посвященная исследованию данной проблемы, уже была предметом историографических обзоров в 70 – 90 гг. XX в. (Е.Б. Заболотный, В.Д. Камынин, А.Т. Тертышный и др.¹). Степень разработки историографических исследований позволяет сосредоточиться на характеристиках литературы по истории рабочих крупной промышленности Урала, оказавшихся вне основного поля названных трудов и на новых оценках, имеющих принципиальное значение. В историографической литературе 90-х гг. возобладало деление процесса научных разработок по указанной теме на три периода: до конца 20-х гг., 30-е – середина 80-х гг. и со второй половины 80-х гг. Касаясь литературы первого периода, выделим две закономерности, во многом определившие ход исторических исследований на Урале. Во-первых, при всех идеологических разногласиях в дореволюционных трудах В.Д.Белова, Л.Е.Воеводина, И.Х.Озерова², в публикациях 20-х гг., например И.Подшивалова и А.П.Таняева³, Урал рассматривался как регион с замедленным, неравномерным развитием капитализма и, как следствие, с более медленной буржуазной дифференциацией общества, частным случаем которой было соотнесение большинства рабочих Урала с мастерами доиндустриальной эпохи либо с категорией “формирующегося пролетариата”. Во-вторых, следует учесть и концептуальную ловушку, в которой находились исследователи – стремление приво- дить рабочих Урала к одному знаменателю – “рабочему классу”. Такое явление мы рассматриваем как частный случай проявления склонности ученых и политических деятелей России XIX – XX вв. самых различных политических убеждений к универсализации и абсолютизации понятий и самого знания в целом. В

¹ См.: Камынин В.Д. Историография истории рабочего класса Урала переходного периода: (1917 – 1937 гг.) Свердловск, 1987; Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Тертышный А.Т. Урал накануне великих потрясений 1917 года (историографический очерк). Тюмень, 1997; Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия. Тюмень, 1999.

² См.: Белов В.Д. Кризис уральских горных заводов. СПб., 1910; Воеводина Л.Е. Урал и его горнозаводская производительность в пределах Пермской губернии. Пермь, 1910; Ожков И.Х. Горные заводы Урала. М., 1910.

³ См.: Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале 1917 – 1918 гг. М., 1925; Таняев А.П. Уральский рабочий накануне и в годы империалистической войны // Рабочий класс Урала в годы войны и революций. В 3 т. Свердловск, 1927. Т.1.

результате, верно подмеченное различие социальных групп горнозаводского населения было размыто попыткой найти универсальные классовые признаки. Заслугой уральской научной школы 20-х гг. стала попытка осмысления характера перемен в составе рабочих крупной промышленности Урала в 1914–1922 гг. Так статистические материалы статьи В.А. Овсянникова¹ и сегодня могут рассматриваться в качестве одного из наиболее достоверных источников, даже с учетом очевидной неполноты сведений: автор не учитывал предприятия Удмуртии, Башкирии, Оренбургской губернии. Было зафиксировано качественное ухудшение состава рабочих уральской промышленности за годы Первой мировой войны; влияние милитаризации на положение и состав рабочих. Уже в последние годы НЭПа прослеживается ужесточение политической цензуры. Те критические нотки в оценке положения рабочих, которые могли себе позволить авторы в начале 20-х гг., стали редчайшим исключением в последующие годы. Обратим внимание на последовательность усиления идеологического диктата по отношению к исследователям истории рабочих Урала: поначалу критике подверглись “чистые” историки. В конце 20-х гг. следы партийно-государственной цензуры стали отчетливо заметны и в трудах экономистов, статистиков, демографов (Б. Соколов, В. Львов, Ф.Н. Лебедев² и др.), неоднократно обращавшихся к проблемам численности и материально-бытового положения рабочих региона. Знаменательно, что материалы такого фундаментального источника, как “Всесоюзная перепись населения 1926 г.”, были использованы в работах демографов, статистиков, но фактически не нашли освещения в трудах современников-историков. Причиной такого явления, отмечается в главе, следует считать содержащиеся в материалах переписи данные о глубине потерь, понесенных рабочим классом Урала за годы войн и революций, комментировать которые становилось все более опасно. И все-таки в период до конца 20-х гг., была заложена научная база для последующего изучения социальной истории Урала.

Второй период накопления исторических знаний (30-е–середина 80-х гг.), несмотря на сложность, противоречия и даже откаты назад, следует признать плодотворным для изучения рассматриваемой темы. Изучение истории рабочего класса СССР вышло на первый план в советской историографии. Выход в свет итогов профсоюзных переписей 1929 и 1932 – 1933 гг. не мог остаться без комментариев историков. Складывалась, однако, парадоксальная картина: в трудах А.Г. Рашина, М.Т. Гольцмана и Л.М. Когана³ и других исследователей материалов переписей сообщались, за небольшим исключением, только пози-

¹ См.: Овсянников В.А. Положение труда на Урале в 1923 году // Труды Урал. Обл. Стат. бюро. Серия 3. Т. 2. Екатеринбург, 1924.

² См.: Соколов Б. Нетрудовые и повышенные трудовые доходы на Урале // Хозяйство Урала, 1928. № 10; Львов В. Бюджеты населения горнозаводского Урала. // Там же. 1929. № 7; Лебедев Ф.Н. Семья и социальный состав уральского города // Население и жилищные условия городов Урала. Свердловск, 1930.

³ См.: Рашин А. Г. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930; Гольцман М.Т., Коган Л. М. Старые и новые кадры пролетариата. М., 1934.

тивные изменения в рабочей среде, доминировали трафаретные оценки, взятые из партийных документов. Вместе с тем публикуемый обширный и далеко не однозначный статистический материал порождал массу вопросов у историков. Совершенствовались методы исследований, вовлекались в научный оборот новые источники, но традиция “умолчания”, ухода от ответов на острые вопросы продолжала существовать. Важным направлением исследований было изучение тенденций развития промышленных рабочих в тех областях, в которых за годы советской власти произошли наиболее глубокие изменения. Речь идет прежде всего о переменах в области технической и общеобразовательной подготовки рабочих. Эти вопросы нашли обстоятельное отражение как в специальных работах С.Я. Батышева, А.Н. Веселова, А.Д. Кахновича, С.В. Трубникова¹, так и в обобщающих трудах А.И. Вдовина, В.З. Дробижеева, А.К. Соколова, В.А. Устинова, посвященных истории рабочих промышленности². Конкретные сведения о сдвигах в культурно-техническом уровне индустриальных рабочих СССР были внесены в историческую науку с изданием комплексных работ по истории экономики, отдельных отраслей промышленности (К.И. Клименко, С.Я. Розенфельд³ и др.). Общим недостатком названных работ было акцентирование внимания исключительно на тех изменениях характеристик рабочих, которые подтверждали концепцию “класса-гегемона”. В ряде работ (Ф.П. Быстрых, Н.А. Ивановой, Ю.И. Кирьянова⁴ и др.) конкретный материал подводил исследователей к выводу о глубоких отличиях в экономическом, социальном и политическом развитии различных отрядов рабочих России и Урала. Выводы не совпадали с заранее провозглашенными целями: невозможно было, например, оспаривать факт концентрации большинства уральских рабочих на устаревших предприятиях. Логика исторических исследований, вступив в противоречие с идеологическими штампами, вела историков к дальнейшему познанию социальной природы рабочих региона.

В относительно более выгодном положении оказались региональные историки: зачастую уход от теоретических вопросов позволял сконцентрировать

¹ См.: Батышев С.Я. Формирование квалифицированных рабочих кадров в СССР. М., 1974; Веселов А.Н. Профессионально-техническое образование в СССР. Очерки по истории среднего и низшего профтехобразования. М., 1961; Кахнович А.Д. Участие рабочего класса в ликвидации неграмотности и малограмотности среди трудящихся в годы второй пятилетки // Из истории рабочего класса СССР. М., 1968; Трубников С.В. О подготовке квалифицированных рабочих через систему профессионально-технического образования // Формирование и развитие советского рабочего класса: (1917 – 1961 гг.) М., 1964.

² См.: Дробижеев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.) М., 1975; Вдовин А.И., Дробижеев В.З. Рост рабочего класса СССР: 1917 – 1940 гг. М., 1976; История советского рабочего класса: В 6 т. Т.1–3. М., 1984.

³ См.: История социалистической экономики: В 7 т. Т.3. М., 1977; Т.4. М., 1978; Т.5. М., 1979; Клименко К.И., Розенфельд С.Я. История машиностроения в СССР. М., 1961. Черная металлургия СССР. 1917 – 1967. М., 1967.

⁴ См.: Быстрых Ф.П. О землепользовании горнозаводского населения Урала в конце XIX и начале XX в. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963; Иванова Н.А. Структура рабочего класса России: 1910 – 1914 гг. М., 1987; Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XX – начало XX в. М., 1979.

ся на изучении социального состава рабочих индустрии. В работе Л.И. Лесковой была проанализирована динамика численности промышленных рабочих, подведомственных фабрично-заводской инспекции и Уральскому Горному управлению в 1910 – 1914 гг., сделан вывод о достаточно близких темпах роста рабочих цензовой промышленности России и Урала¹. Публикация Л.И. Лесковой стала веховой, продолжив масштабные, с указанием источниковой базы, исследования по истории рабочих крупной промышленности Урала. Расширение диапазона исторических исследований открывало перед историками неизведанные стороны проявления инициативы рабочих, не вписывающиеся в привычные представления о “самом революционном классе”. Л.В. Ольховая отметила оригинальную форму кооперативного движения на Урале: аренду трудовыми артелями рабочих закрытых заводов в 1906 – 1914 гг. Проанализировав результаты аренды, Л.В. Ольховая пришла к любопытному выводу: ни одна из артелей не смогла достичь эффективности производства, отсюда – короткий срок их существования; положение труда наемных рабочих в таких артелях было ничуть не лучше, чем на частных². Комплексное использование архивных и опубликованных материалов стало базой для трудов В.В. Адамова. Если в целом в горнозаводских рабочих В.В. Адамов видел особое сословие, пограничное между крестьянством и индустриальными рабочими, то рабочих казенных горнозаводских округов он рассматривал как слой, отличный от пролетариев посессионных и частновладельческих округов, более близкий к фабрично-заводским рабочим центральных районов³. Научные поиски В.В. Адамова внесли весомый вклад в разработку проблемы многоукладности, своеобразия и особенностей капиталистической эволюции России. П.Н. Дмитриев пришел к выводу, что социальный облик квалифицированных рабочих казенных Ижевского и Воткинского заводов определяли местные потомственные рабочие, принадлежавшие к разряду собственников земельных наделов. Местным жителям и до Первой мировой войны, и к 1917 г. противостояли пришедшие рабочие, состоящие, как правило, из неквалифицированных трудящихся, лишенных какой-либо собственности⁴. Противостояние различных категорий уральских рабочих напilo логическое продолжение в Гражданской войне. В этой связи данные о численности рабочих, находившихся в годы Гражданской войны в Белой и Красной армии, введенные в 1979 г. в научный оборот удмуртским историком

¹ См.: Лескова Л.И. Изменения в численности и социальном составе уральских рабочих в 1910–1914 гг. // Исторические записки. Т. 67. М.: 1960.

² См.: Ольховая Л.В. Из истории кооперативного движения на Урале в 1905–1914 гг. // Вопросы истории Урала: Материалы 2-ой научной сессии вузов Уральского зоны в г. Пермь 20–22 апреля 1965 г. Пермь, 1966.

³ См.: Адамов В.В. Рабочие Урала накануне Октябрьской революции // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года. В 2 ч. Ч. 2. Одесса, 1967. С. 162; Он же. Некоторые вопросы истории буржуазно-демократической революции на Урале // Науч. сессия, посвященная 50-летию свержения самодержавия в России. М.: Л. 1967. С. 78.

⁴ См.: Дмитриев П.Н. Динамика численности и состава рабочих Ижевского и Воткинского заводов // Проблемы истории СССР. М.: 1978. Вып. 7.

В.И. Русановым, следует отнести к разряду уникальных¹. Конечно, эти цифры по одному, даже крупнейшему на Урале предприятию, не могли заменить обобщающих сведений, отражающих политические симпатии рабочих Урала. Публикации об участии рабочих Урала в Красной армии или в Белом движении ограничивались рамками одного завода, района, отдельным этапом Гражданской войны.

Противоречие между созданием фундаментальных работ по истории развития промышленности Урала в годы предвоенных пятилеток (А.В.Бакунина, В.Н.Зуйкова) и отсутствием обстоятельных монографий, посвященных рабочим крупной промышленности региона может показаться парадоксом, если не вспомнить приоритеты государственной политики, недоступность данных по статистике растущего числа оборонных предприятий. Вот почему характерными чертами публикаций по рабочей тематике в рассматриваемый период стали, во-первых, детерминирование исследований рамками пятилеток, причем подробное изложение планов, как правило, не сопровождалось анализом их выполнения. Во-вторых, и после разрешения допуска в архивы, в силу жесткой цензуры, исследователи были вынуждены опираться в основном на опубликованные материалы, что, естественно, суживало источниковую базу исследования. Исключением в определенной степени можно считать труды, посвященные количественным и качественным изменениям в отраслевом отряде рабочих-металлургов Урала (В.Г. Айрапетова, Н.М. Щербаковой²). Причинами такого явления следует считать большую открытость конкретных архивных материалов. В-третьих, акцент делался на освещение только позитивных моментов (рост численности рабочих, повышение квалификации и общеобразовательного уровня и т.д.). Результатом подобных процессов стала фрагментарность и односторонность картины изменений численности и состава, социального облика рабочих крупной промышленности Урала.

Более успешно шло изучение источников и форм пополнения рабочих коллективов. Исследователи смогли установить примерное соотношение пролетарских и непролетарских пополнений рабочих коллективов промышленности Урала и СССР в целом; масштаб вовлечения женщин и молодежи в производство (труды В.В. Адамова, А.И. Вдовина, В.З. Дробижева), специфику этих процессов в автономных республиках Уральского региона (А.И. Суханов³); дать характеристику ликвидации безработицы на Урале (С.Г. Шустов⁴)

¹ См.: Русанов В.И. Энтузиасты первой пятилетки. Ижевск, 1979. С. 20.

² См.: Айрапетов В.Г. Деятельность профсоюза рабочих черной металлургии Урала и Востока по развитию производства (1937 – июнь 1941): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1971; Щербакова Н.М. Металлургическая промышленность Урала в 1926–1940 гг. // Вопросы истории Урала. 1973. № 12.

³ См.: Суханов А.И. История рабочего класса Удмуртии: 1917–1970 гг. Ижевск, 1979.

⁴ См.: Шустов С.Г. Ликвидация безработицы на Урале: (1917–1930 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1977.

В работах В.Г. Чуфарова, Л.Ф. Богер, Н.Я. Кемеровой¹ были сформулированы положения о незавершенности процесса преодоления неграмотности у промышленных рабочих в 30-е гг., приводились сведения об общеобразовательном уровне рабочих отдельных предприятий, информация об ограниченном участии рабочих в работе культурно-просветительных учреждений. Вместе с тем в перечисленных работах, выполненных в историко-партийном ключе, изменения в культурном облике рабочих выступали как комментарии к работе партийных организаций. В исторической литературе отсутствовали сводные данные, раскрывающие динамику изменений общеобразовательных характеристик рабочих между переписями 1926 и 1939 гг. в отраслевом и региональном аспектах. Определенным исключением можно считать деятельность демографов В.Ю. Крупианской и Н.С. Полищук, создавших работы на стыке истории и демографии, раскрывающие ряд сторон культуры и быта рабочих Урала как до 1917 г., так и в послереволюционную эпоху². Авторы сформулировали важные в методологическом отношении выводы о неоднородности культурно-бытового уклада рабочих семей в зависимости от квалификации и грамотности, заработка, срока проживания в городском поселении и возраста. Результаты демографических исследований наряду с анализом материалов переписи 1897 г., широким кругом источников стали основой для выполнения Д.В. Гавриловым фундаментального труда по истории рабочих Урала в 1861–1900 гг., имеющего важное методологическое значение для исследователей рабочей тематики³. Д.В. Гаврилов пришел к выводу о том, что в ходе капиталистической перестройки рабочие края постепенно утрачивали свой специфический облик, приближаясь к общему типу российского фабрично-заводского пролетария.

В рассматриваемый период заметен невысокий уровень исследований материально-бытового положения рабочих. Для работ историков, опубликованных до конца 80-х гг. (В.Г. Черемных⁴ и др.), было характерно оперирование показателями номинальной зарплаты без соотношения с ростом цен; рассмотрение жилищного строительства как процесса неуклонного улучшения жилищных условий рабочих. Вне поля исследований оставались вопросы реального обеспечения жильем конкретных категорий рабочих; масштабность и качество пенсионной системы, ряд других направлений.

¹ См.: Чуфаров В. Г. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса Урала в 1920–1927 гг. // Формирование и развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма: (1917–1937); Богер Л. Ф. Деятельность партийных организаций Урала по повышению культурного уровня рабочего класса в годы первой пятилетки: (1928–1932 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1978.; Кемерова Н. Я. Руководство партийных организаций Урала ликвидацией неграмотности среди рабочих Урала: (1933–1939 гг.) // Партийные организации во главе культурного строительства. Свердловск, 1978.

² См.: Крупианская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Н. Тагил, 1971; Крупианская В. Ю. и др. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила: (1917–1970 гг.). М., 1974.

³ См.: Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период монополистического капитализма: (1861–1900 гг.) М., 1985.

⁴ См.: Черемных В. Г. Рост заработной платы уральских рабочих и сокращение рабочего дня на предприятиях Урала в годы первой и второй пятилеток // Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края. Пермь, 1965.

Третий этап развития исторических знаний о жизни рабочих крупной промышленности Урала в 1914 – 1941 гг., наступивший со второй половины 80-х гг., казалось бы, позволял активизировать изучение проблем рассматриваемой тематики. Методологический плюрализм снимал те догматические препоны, которые мешали объективным исследованиям; расширялся допуск историков к архивным материалам, вышли в свет новые сборники документов, труды демографов¹. Публикации И.К. Рафикова² позволили уточнить картину общей численности и состава рабочих Урала в 1917–1920 гг. В меньшей степени автору удалось осветить различия рабочих казенных и частновладельческих округов, т.е. связанные с ведомственными признаками. В статьях Е.Н. Чернокрыловой³ была дана попытка с новых методологических позиций осветить проблемы численности, комплектования и состава рабочих Урала в 1926–1932 гг. Однако новизна оценок сочеталась с использованием фактически знакомого историкам круга источников, что, естественно, сказалось на результатах исследования. Заметный вклад в изучение отраслевых отрядов рабочих крупной промышленности Урала внесли работы А.В. Дмитриева. Вывод А.В. Дмитриева о более позднем формировании кадрового ядра рабочих-угольщиков региона имеет большое значение для понимания социального облика пролетариев всей горной промышленности⁴. В последнее десятилетие XX в. историки вновь обратились к изучению роли спецпереселенцев и заключенных в формировании рабочих коллективов промышленности Урала. В трудах В.Н. Земскова, Т.И. Славко, Г.Я. Маламуда⁵, других авторов прослежены история создания системы принудительного труда в регионе; определены ее этапы и масштаб участия подневольных рабочих в выполнении пятилетних планов. Вместе с тем историки не разделяли рабочих, занятых подневольным трудом, в крупной промышленности и во всем народном хозяйстве. Фрагментарность сведений о занятости спецпереселенцев и заключенных непосредственно на предприятиях крупной индустрии, по сути, является составной частью отсутствия общей картины численности рабочих в 20 – 30-е гг. на Урале. Ситуацию не изменил выход в свет обстоятельной монографии А.А. Антуфьева, где содержатся сведения о численности отраслевых отрядов рабочих промышленности Урала в 1938

¹ См.: Письма во власть. 1917 – 1927 гг. Серия “Документы советской истории”. М., 1998; Жиромская В.Б. Советский город в 1921– 1925 гг. М., 1988; Она же. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения и оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992.

² См.: Рафиков И.К. Численность и состав горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1917 г. // Актуальные вопросы развития промышленности и рабочего класса в переходный период. Свердловск, 1988; Он же. Мероприятия по сохранению рядов рабочего класса Урала: (1917–1920 гг.) // Формирование и становление советского рабочего класса на Урале. Свердловск, 1989.

³ См.: Чернокрылова Е.Н. Численность рабочих Урала в период индустриализации: (1926–1932.) // Актуальные вопросы развития промышленности и рабочего класса в переходный период.

⁴ См.: Дмитриев А.В. Рабочие угольной промышленности Урала в период империализма: (1900–1917 гг.) // Положение и борьба рабочих Урала в период империализма. Свердловск, 1989.

⁵ См.: Земсков В.Н. Кулацкая ссылка накануне и в годы Великой Отечественной войны // Сопис. 1992. № 2; Он же. Кулацкая ссылка в 30-е гг. // Отечественная история. 1991. № 10. Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале: (1930 – 1936 гг.). М., 1995; Маламуд Г.Я. Генезис системы принудительного труда в СССР в Уральском регионе. // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика: (1917 – 1980-е гг.). Н.Татил. 1997.

–1940 гг.¹ А.А. Антуфьев в главе “Уральская индустрия накануне войны” приводит сведения о численности рабочих всей промышленности. Но речь в ней идет только об отраслях крупной промышленности, тогда как сведения о численности рабочих этой категории отсутствуют.

К сожалению, с начала 90-х гг., заметна пауза в исследованиях, обращенных к проблемам численности и состава рабочих крупной промышленности Урала. Отставание историков Урала по этому направлению рабочей тематики наглядно заметно, учитывая оживление деятельности российских исследователей истории рабочих крупной промышленности и, в частности, появление труда Н.Р. Коровина², выполненного на общесоюзном материале. Даже с учетом сохранения ряда прежних методологических подходов в названной работе, следует приветствовать попытку современного видения истории промышленных рабочих России.

Если в 90-е гг. тематика численности и состава рабочих России и Урала в 1914–1941 гг. мало привлекала отечественных и иностранных историков, то иначе складывалось положение дел в сфере изучения вопросов условий труда и материально-бытового положения рабочего класса. Значительный вклад в разработку указанной проблемы внесла Е.А. Осокина³. В историческую литературу впервые в систематизированном порядке внесены правдивые данные о питании и снабжении рабочих в годы первых пятилеток. Обработанные и опубликованные автором данные о питании промышленных рабочих, в целом, характерны и для Урала. С выходом в свет в 1996 г. монографии Н.Н. Алеврас, изучившей вопрос о землевладении уральских рабочих в первые десятилетия XX в.⁴, созданы предпосылки для формирования комплексных представлений о развитии земельных наделов рабочих края в 1900–1940 гг. Исследовав ряд проблем, касающихся материально-бытового положения рабочих края в 1920–1930-е гг., историки (А.А. Антуфьев, М.Н. Денисевич, О.М. Петько⁵ и др.) пришли к выводу о снижении уровня жизни рабочих в 30-е гг. в сравнении с показателями 1928 г. Учитывая немногочисленность подобных изданий в 90-е гг., особый интерес представляют работы В.Г. Железкина, посвященные дореволюционному

¹ См.: Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург. 1992.

² См.: Коровин Н.Р. Рабочий класс России в 30-е годы XX в.: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М. 1996.

³ См.: Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения: 1928 – 1935. М.: 1993; Она же. За фасадом “сталинского изобилия”: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. М.: 1997.

⁴ См.: Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996.

⁵ См.: Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале: (1930 – 1985 гг.). Екатеринбург. 1991; Петько О.М. Материально-бытовое положение рабочего класса Урала в середине 20-х–нач. 30-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург. 1991.

периоду взаимоотношений государства и рабочих, и Н.П.Палецких¹ – о социальной политике государства на Урале в 1941–1945 гг.

Современная историография характеризуется появлением трудов (Л.Н. Бехтерева, Ю.И. Кирьянова, И.В. Нарского, С.В. Ярова² и др.), в которых с современных позиций исследуется политическое сознание и социальный облик рабочих. Сложность изучения данной темы связана с необходимостью улавливания самого содержания мыслей, чувств, представлений. Выход историки ищут в использовании математико-статистических методов обработки информации, комплексном исследовании менталитета (О.С. Поршнева³). Были предприняты усилия по исследованию реальных последствий культурных преобразований в СССР в 20–30-е гг. и проекции последних на рабочий социум (С.П. Постников, Ю.К. Калистратов, Н.Г. Кулинич и др.⁴). Историки обратились к изучению социокультурного взаимодействия рабочих с художественной и технической интеллигенцией. Результаты исследований раскрывают масштаб, и в меньшей степени результаты той работы, которая проводилась по повышению культурного уровня рабочего класса. Намного умереннее в научной литературе представлен непосредственный вклад рабочих в развитие культурного потенциала региона. Исследователи показывают, что атеистический курс, введенный в ранг политики государства, привел к уменьшению религиозности рабочих, закрытию большинства культовых зданий, однако существуют источники, например результаты переписи 1937 г., говорящие о сохранении религиозных убеждений в рабочей среде (Д.В. Булавин, С.И. Быкова⁵). Переосмысление отечественной истории выводит ученых на новое видение характеристик дореволюционного и советского рабочего класса. В отечественную историографию внесены положения о том, что к 1917 г. промышленный рабочий класс России находился еще на стадии формирования и по уровню квалификации, другим характеристикам заметно отличался от уровня рабочих развитых капи-

¹ См.: Железкин В.Г. Изменения в правовом положении рабочих Урала в период империализма. (1900 – 1917 гг.) // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма. Свердловск, 1991; Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995

² См.: Бехтерев Л.Н. Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х гг. // Отечественная история. 2000. № 2; Кирьянов Ю.И. Рабочие России на рубеже XIX – XX вв. // Там же. 1997. № 4; Нарский И.В. Русская провинциальная партийность. В 2-х ч. Челябинск, 1995; Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917 – 1923 гг. СПб, 1999.

³ См.: Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны: (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000.

⁴ См.: Постников С.П. Модернизация и социокультурные процессы в городах Урала: (конец 1920-х – 1930-е гг.) // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998; Кулинич Н.Г. Социальный облик рабочих Дальнего Востока и РСФСР в 20-е годы.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Хабаровск, 1998; Калистратов Ю.К. Рабочий класс и советская культура в 20–30-х гг.: Автореф. дис... д-ра. ист. наук. Н. Новгород, 1999.

⁵ См.: Булавин М.В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала): Автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.; Быкова С.И. Ненасилие против насилия: опыт противостояния верующих атеистической власти в 1930-е гг. (по материалам Уральского региона) // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000.

талистических стран (В.П. Данилов ¹), а рабочий класс СССР утратил свое классовое содержание при советском строе (А.К. Соколов ²).

Следует сказать, отмечается в главе, что вопросы количественных и качественных изменений в рабочем классе Урала в 1914 – 1941 гг. нашли широкое отражение в литературе. Однако большинство работ выполнены на материалах отдельных областей края, их хронологические рамки составляют одну пятилетку. Отсутствуют комплексные работы, охватывающие указанные проблемы на протяжении всего периода и в масштабе всего региона. К наименее изученным следует отнести такие проблемы, как изменения в численности рабочих крупной промышленности в исследуемый период, особенно занятых на предприятиях военно-промышленного комплекса; перемены в социальном составе рабочих региона; взаимосвязь преобразований отраслевой структуры промышленности и квалификации, профессионального уровня, социального облика рабочих; выводы о динамике показателей уровня жизни рабочих за 1914 – 1941 гг.

Источниковую базу диссертации можно подразделить на следующие группы источников:

1. Опубликованные документы государственных, партийных, профсоюзных органов. Законы от 2 июня 1903 г., 2 декабря 1905 г., 4 марта 1906 г., 23 июня 1912 г. – важный источник для определения характера политики государства по отношению к рабочим. Будучи важнейшими нормативными актами, законы о труде определяли правовые нормы Российского государства. В годы Первой мировой войны возросло значение подзаконных документов центральных государственно-административных органов, военного ведомства. Этот вид документов содержит информацию о масштабах мобилизации рабочих промышленности, видах перемещения рабочих из армии.

Одним из документальных комплексов, использованных в нашей работе, является группа законодательных актов Советского государства. Фронтальное изучение законов и постановлений правительства РСФСР, а с декабря 1922 г. – СССР (“Собрания узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства”; “Декреты советской власти”) позволило реконструировать процесс формирования и развития политики государства в рабочем вопросе; выявить степень реакции власти на требования рабочих. Кодексы о труде 1918 и 1922 г. представляют собой систематизированные своды законов, создающие правовую основу политики в рабочем вопросе. Однако по мере усиления тоталитарного строя возрастало и значение подзаконных актов (постановления правительства, наркоматов), совокупность которых сужало сферу действия Кодексов о труде. В отдельную группу законодательных источников следует выделить пятилетние планы развития народного хозяйства. Если планы первой и второй пятилетки хорошо известны исследователям, то материалы такого источника,

¹ См.: Данилов В.П. Возникновение и падение советского общества: социальные истоки, социальные последствия. // Россия на рубеже XXI века. М., 2000. С. 73.

² См.: Соколов А.К. Концы советской истории // Там же. С. 263.

как Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза СССР на 1938 – 1942 гг. не использовались историками рабочего класса. Сопоставление разделов, касающихся положения рабочих в трех довоенных пятилетних планах, позволило выявить общие закономерности социальной политики, обращенной к рабочему классу. Решения партийных съездов, резолюций Пленумов ЦК, постановлений ЦК партии и СНК носят директивный характер, определяя основные направления деятельности государственных и хозяйственных органов и содержатся в изданиях: “Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам”, “Справочник партийного работника” и др.

2. Делопроизводственная документация. Массив использованных в работе опубликованных и архивных материалов содержит документы горнозаводской администрации края; стенографические отчеты съездов горнопромышленников Урала, прежде всего XVIII – XXII, проведенных в 1913 – 1917 гг.; годовые отчеты горнозаводских округов и предприятий по различным направлениям деятельности, в том числе социальной проблематике. В советский период содержательную социальную информацию несли планы, докладные записки, приказы по наркоматам, главам и предприятиям, например, посвященные организации системы техучебы рабочих, рационализаторства, социалистического соревнования. Меньшую познавательную информацию несут документы районных, городских и областных Советов, что объясняется той ролью, которая отводилась Советам в политической системе СССР. Выделим характерную черту делопроизводственной информации 30-х гг.: для того чтобы показать достижения текущего периода (чаще всего года), приказы, отчеты, докладные записки нередко содержат острокритическую оценку недавнего прошлого, в своей основе объективного характера. Это позволяет составить представление о подлинных процессах в рабочем социуме.

3. Опубликованные статистические материалы. В отдельную группу опубликованных документальных источников следует отнести сборники статистических материалов, раскрывающие вопросы численности и состава рабочих Урала, заработной платы. В первую очередь надо назвать такой фундаментальный источник, как “Фабрично-заводские предприятия Российской империи в 1910 – 1912 гг.”, раскрывающий как техническую оснащенность предприятий промышленности, так и численность основных и вспомогательных рабочих, а также данные переписи населения Российской империи 1897 г. по четырем уральским губерниям. В других видах источников прослеживается их узковедомственный характер. Материалы по немногочисленному на Урале отряду рабочих, подчиненных фабрично-заводской инспекции, содержатся в “Сводах отчетов фабричных инспекторов”, издававшихся Министерством промышленности и торговли. Дополнением к “Сводам” являются материалы “Отчета отдела промышленности за 1914 г.”, а в них – раздел “Данные о продолжительности и распределении рабочего времени в промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции”.

Важные сведения были получены из трудов ЦСУ СССР, издаваемых в 20-е гг. Заметим, что труды ЦСУ предупреждают о неполноте статистики с 1922 г. Такие издания, как “Труд на Урале” и “Уральское хозяйство в цифрах”, давали сведения о динамике бюджетов рабочих не только по годам, но и по месяцам. Крупным достижением уральской статистической школы стало издание в 1928 г. “Бюджетов горнозаводского населения Урала в 1926/27 г.”, раскрывавших зависимость материального положения рабочих семей от величины хозяйства, состава семьи, возраста членов семьи.

Сопоставляя материалы переписей 1920, 1923, 1926 гг., следует отметить, что они имеют группу схожих признаков, важных для анализа микроструктуры рабочих промышленности Урала: пол, возраст, профессия, квалификация и т.д., и создают солидную базу информации для характеристики изменений в составе рабочих крупной промышленности Урала в 1920 – 1926 гг. Результаты переписи 1937 г. дают важные для выявления культурного уровня рабочих сведения о религиозных воззрениях населения. Что же касается переписи 1939 г., налицо был шаг назад: исчезли вопросы об отношении к главе семьи, месте рождения, длительности проживания в данной местности, квалификации; данные по профессиональному составу рабочих не дополнялись сведениями отраслевого характера. В этой связи особую значимость приобретают сборники документов, подготовленные уральскими историками: “История индустриализации Урала. 1926 – 1932 гг.” и “История индустриализации Урала. 1933 – 1937 гг.”

4. Неопубликованные архивные материалы. Помимо опубликованных источников при написании работы были использованы документы центральных архивов: РГАСПИ, ГАРФ, РГАЭ, РГИА. Особый интерес для нас представляли материалы, еще недавно засекреченные и по этой причине не введенные в научный оборот. Рассекреченные архивные дела, извлеченные из фондов ЦСУ СССР (РГАЭ. Фонд ЦСУ – Ф.1562) объединяет Опись 329 (“секретка”). (По официальной терминологии речь идет о централизованном аппарате ЦУНХУ при Госплане). К этой же категории документов следует отнести и малоизвестные ранее исследователям дела Наркомата боеприпасов (Ф. 7516); Наркомата обороны (Ф. 7515), а также материалы переписи 1939 г. (Ф. 1562. Оп. 336.), хранящихся в РГАЭ. До 90-х гг., а в ряде случаев, до конца 90-х гг. XX в., отсутствие доступа к этому виду источников представляло для историков тупиковую ситуацию. Массив впервые введенных в научный оборот данных о численности рабочих военных предприятий и отраслей, сведения о рабочих, полученные в ходе переписи 1939 г., позволили полнее представить картину количественных и качественных перемен в составе рабочих промышленности. Были задействованы документы из личного фонда В.М. Молотова (РГАСПИ. Ф. 82.), раскрывающие более откровенно, чем в открытой печати, замыслы советского руководства. Даже сопоставление материалов указанных выше фондов позволяет судить о наличии определенных нюансов в позиции лидеров СССР по отношению к рабочему классу.

Материалы девяти местных архивов Курганской, Пермской, Свердловской и Челябинской областей позволяют выделить как общие черты, так и региональные особенности количественных и качественных характеристик рабочих промышленности. Среди многочисленного массива дел местных партийных органов особое внимание привлекли те виды источников, которые практически не использовались в предшествующий период. Речь идет, во-первых, о материалах так называемой “особой папки” – секретных прежде документах обкомов ВКП (б), например: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31; во-вторых, о комплексе дел сводок ОГПУ (с 1934 г. – НКВД), поступавших в обкомы партии. Жесткие требования руководства ВКП (б) – получать объективную, “в первоизданном виде” информацию о положении дел на местах – определяли довольно откровенный характер названных источников, репрезентативность сведений о материально-бытовом положении рабочих, уровне грамотности, политических настроениях. Сложность использования такого рода материалов заключается в необходимости постоянной сверки информации по широкому кругу других источников в силу политизированного характера повествования.

Ценные сведения по величине заработной платы рабочих, численности отраслевых отрядов рабочего класса были извлечены из материалов профессиональных учетов рабочих и служащих промышленности в сентябре 1939 г. и сентябре 1940 г. Значение этого вида источников увеличивается во второй половине 30-х гг. в связи с возрастанием закрытости статистики.

5. Справочные издания. Важным видом источников является земская статистика. Статистические сведения о рабочих горной и фабрично-заводской промышленности за 1913 – 1914 гг. несут ежегодные обзоры, издававшиеся губернскими земствами, однако, как уже отмечалось в литературе, это частичные и неполные сведения; губернские Адрес-календари.

6. Документы общественных организаций. Материалы профсоюзных органов содержат данные, характеризующие социальный состав отраслевых рабочих коллективов, новых пополнений рабочих рядов. С начала 30-х гг. заметно нарастание приблизительности, лакировки действительности в отчетах и докладных записках профсоюзных организаций. В наибольшей степени это относится к отчетности, характеризующей масштаб и эффективность соцсоревнования на предприятиях Урала. Вместе с тем для документов уральских партийных и профсоюзных органов свойственна большая степень критичности оценок действительности, чем у центральных учреждений.

Массовую и богатую по содержанию группу источников представляют материалы профессиональных переписей проводимых, как правило, на переломных этапах советской истории. Данные переписи 1918 г. представительны, но по Уральскому региону включают в себя только сведения по Вятской губернии. Эти данные, учитывая промежуточное положение Вятской губернии между более развитой Пермской и менее развитыми Оренбургской и Уфимской губерниями, можно, с определенной долей условности, рассматривать как типич-

ные для Урала. Сведения выборочной профсоюзной переписи 1929 г. и профсоюзной переписи 1932/33 г. дополняют представления о рабочих региона информацией об участии рабочих в Первой мировой и Гражданской войнах, социальном происхождении, партийности, участии в культурных мероприятиях. Еще одним комплексом используемых в диссертации источников являются Статистические справочники ВЦСПС, несущие редкую для конца 30-х гг. информацию о грамотности рабочих, данные об участии трудящихся в культурных мероприятиях. Отказ от абсолютизации марксистской методологии позволяет объективно интерпретировать сведения, извлеченные из документов общественных организаций.

7. Одним из видов источников стали материалы конкретных социологических исследований, проводимых в 20–30-е гг. В первоисточниках социологических исследований отражены массивы анкетных данных. Это, в частности, позволило после обработки впервые ввести в научный оборот характеристику социального состава уральских рабочих, представленных к званию “Герой труда”. Наиболее массовым социологическим источником вторичной группировки, т.е. сведенного, обобщенного варианта, стали результаты профсоюзного учета новых пополнений за 1931 г. Материалы для социологических портретов ряда заводских коллективов, были извлечены из фондов бывших партийных архивов и впервые подвергнуты более полной и объективной интерпретации.

8. Данные периодической печати, как центральной, так и местной.

Как видно, совокупность названных источников говорит о разнообразной источниковой базе и представляет основание для исследования.

Во второй главе “Пролетариат Урала в период войн и революционных потрясений 1914–1921 гг.” проанализированы вопросы численности и состава рабочих крупной промышленности Урала, особенности условий труда и быта, материального положения, культурного уровня.

Масштабность, длительность закрепления в законодательном порядке привилегий рабочих казенных горнозаводских округов обусловили формирование в составе рабочих крупной промышленности Урала своеобразного сословия, имеющего иные принципы взаимоотношений с государством, иную социокультурную нишу, чем остальные рабочие. Границей деления стала прежде всего ведомственная принадлежность рабочих к определенному типу горнозаводских округов, формой – предоставление ряда привилегий в различных областях жизни рабочим казенных округов, носящих сословный характер. Таким образом, политика власти по отношению к рабочим крупной промышленности края представляла собой частный случай государственного селективного патернализма.

Постоянная техническая реконструкция предприятий казенных горнозаводских округов Урала, в основном связанных с военным производством, усиливала различия с заводами и рудниками остальных округов по степени индустриального развития. Сооружение в конце XIX – начале XX в. в частновла-

дельческих и посессионных округах немногочисленных, передовых в техническом отношении предприятий не внесло принципиальных изменений в структуру промышленности региона: предприятия машиностроения и металлообработки были преимущественно сконцентрированы в казенных округах. В остальных же округах доминировали металлургические заводы, рудники и шахты горной отрасли. Неоднородность и многоукладность экономики Урала усиливали степень различий рабочих крупной промышленности края. Результаты исследования подтверждают мнение историков, полагающих, что к 1917 г. рабочий класс в России находился на стадии формирования. Только меньшинство уральских мастеровых можно сопоставить с характеристиками представителей рабочего класса промышленности индустриального общества. К последним в 1913 г. из 302,4 тыс. рабочих крупной промышленности Урала относились главным образом рабочие основного производства предприятий казенных горнозаводских округов – 41 тыс. человек (из 50 тыс. рабочих, занятых в казенных горнозаводских округах в целом).

Большинство рабочих крупной промышленности Урала следует причислить к тому слою, который обладал фрагментарной социальной защитой, получал зарплату, близкую к нижней черте прожиточного минимума, характеризовался элементарной грамотностью, что суживало возможности роста культурного уровня. В состав указанного слоя в основном входили около 110 тыс. заводских рабочих частных и посессионных округов и 48,3 тыс. рабочих, подведомственных фабричной инспекции. Внутри рассматриваемой группы прослеживались различия между положением рабочих весьма немногих крупных современных заводов (Чусовской, Надеждинский, Лысьвенский, Кыштымский) и массы мелких устаревших заводов, сумевших лишь частично приспособиться к рыночным отношениям. Однако существовал и целый ряд общих структурообразующих признаков: низкий уровень механизации производственных процессов и, как следствие, преобладание тяжелого ручного труда, фрагментарный характер социальной защиты. В данной группе преобладали рабочие переходного этапа от мануфактурной к фабрично-заводской эпохе.

Еще один слой составляли рабочие горнодобывающей промышленности Урала (97,9 тыс.), где формирование отраслевых отрядов постоянных рабочих кадров не было завершено к 1914 г., а на большинстве предприятий традиционными орудиями труда оставались “обушок”, кайло и лопата. Эта категория тружеников (по сути, рабочие мануфактурной эпохи) не имела собственного жилья, земельных наделов (по месту проживания); получала зарплату ниже прожиточного минимума. Неграмотность, близкая к поголовной, лишала рабочих возможности пользоваться и фрагментарной социальной защитой, воспринимать ценности культуры индустриального общества. Фактически обширный социальный слой (около трети рабочих ценовой промышленности) оказался на положении маргиналов.

Совокупность рассмотренных в главе характеристик материально-бытового положения рабочих свидетельствует о наличии к 1914 г. в рабочем социуме Урала ощутимых имущественных отличий – в оплате труда, качестве питания, владении жильем и земельными наделами, величине рабочего времени, степени медицинского и пенсионного обслуживания – у индустриальных рабочих, пролетариев мануфактурной эпохи, тружеников, промежуточных между ними социальных слоев. Эти отличия дополнялись особенностями бытового плана, в частности, изменением внешнего облика индустриальных рабочих, связанным с ношением городской одежды, близкой, в зависимости от достатка, либо к низшим служащим, либо к интеллигенции. О появлении новых культурных привычек, заимствованных у горожан, говорили и изменения внутреннего убранства жилищ квалифицированных рабочих. Иными были их семейные и дружеские связи, в которых, наряду с типичным для уральских рабочих общением с непролетарскими слоями населения, все большее значение приобретали контакты с интеллигенцией. У рабочих казенных округов, современных крупных предприятий к 1914 г. появилась возможность для культурной трансформации в рамках модернизации всего городского общества. В главе обосновывается тезис о том, что реальные процессы культурной трансформации зависели не только от ведомственной принадлежности предприятий, но и от степени урбанизации населенного пункта. Вследствие этого не только в промышленных центрах казенных округов – в Мотовилихе, Златоусте, Ижевске, Воткинске, но и в Нижнем Тагиле, Надеждинске, некоторых других крупных поселениях более быстрыми темпами шло формирование пролетариев индустриального общества. Большинство рабочих промышленности Урала проживало в поселках, где намного дольше и полнее сохранялись обычаи и обряды в их традиционной форме, религиозно-обрядовая жизнь; удерживались и некоторые элементы аграрной обрядности. К этому слою применимы слова о тесной связи обычаев и нравов рабочих с крестьянско-ремесленными традициями, влиянии общинной психологии.

Отличия различных социальных групп рабочих дополнялись расколом в области политического сознания. У рабочих основного производства предприятий казенных горнозаводских округов преобладали реформистские настроения. Что же касается поддержки радикальных настроений, она была характерна для рабочих вспомогательного производства и профессий, используемых на наиболее тяжелых и трудоемких работах, не имеющих собственного жилья и прочных связей с данной местностью. В целом при незначительном участии уральских рабочих в политической жизни мировосприятие различных слоев рабочего социума Урала представляло собой сочетание элементов консервативных, патриархальных, реформистских и революционных воззрений.

Глубина правовых, социокультурных, имущественных различий у рабочих крупной промышленности Урала, носящих долговременный, стабильный характер, свидетельствует о сохранении различных социальных групп внутри ра-

бочего социума, подводит к выводу о том, что понятие “рабочий класс Урала” применительно к 1914 гг. следует рассматривать как статистическую, но не как реальную социальную общность. В противном случае надо каждый раз оговариваться: о каком же социальном слое рабочих идет речь.

Экономический подъем 1909 – 1913 гг., рост занятости, принятие законов о труде 1912 г., с одной стороны; национальная и религиозная общность, сходство ряда черт быта, совместное проживание в одном регионе – с другой, создавали предпосылки для сближения положения различных категорий рабочих Урала. Однако Первая мировая война остановила эту тенденцию на уровне предпосылок. Вступление России в Первую мировую войну стало барьером на пути сближения различных социальных групп пролетариев в класс индустриальных рабочих. То, что до войны было просчетом тактическим, с лета 1914 г. превратилось в стратегический просчет: в эпоху потрясений большая часть рабочих частновладельческих и посессионных округов вступала с фрагментарной социальной защитой. Драматизм ситуации усиливался следующим обстоятельством: Россия оказалась единственной из воюющих великих держав Европы, где социальное законодательство не распространялось на всех рабочих. Казалось бы, введение обязательных сверхурочных работ, сокращение числа праздничных дней коснулось всех категорий рабочих, включая женщин и лиц, не достигших 17 лет. Однако селективность патерналистской политики правительства продолжалось и в этот период. Отказавшись от призыва в армию рабочих казенных заводов, власть гарантировала труженикам этой социальной группы основное право – сохранность жизни. Рабочие государственных заводов в своей массе остались дома, в своих семьях; в ходе войны они получали солидные премии. Обратим внимание на следующее обстоятельство: в России степень милитаризации в сфере труда оказалась выше, чем в других воюющих странах. В военной индустрии было занято 76 % промышленных российских рабочих, 58,3 % германских, 57 % французских, 64,2 % итальянских, 46 % английских. Степень милитаризации труда в экономике Урала была выше общероссийского показателя и равнялась 86,9 %. Прослеживалась закономерность: чем ниже была степень индустриализации, тем выше плата за участие в мировой войне. В России степень милитаризации труда оказалась выше, чем в других воюющих странах. На Урале – выше, чем по России, в частновладельческих и посессионных округах – выше, чем по Уралу в среднем.

В результате за годы Первой мировой войны вырос разрыв в уровне профессиональной, общеобразовательной подготовки, социальной защищенности кадровых рабочих казенных и остальных горнозаводских округов, обострились отношения между рабочими различных социальных групп. Длительная война вела к сокращению удельного веса кадровых индустриальных рабочих, способных сдерживать радикализм маргинальных слоев пролетариата края. Отсюда лежал уральский путь к революции и Гражданской войне, где одна часть уральских рабочих воевала против другой. Если участие рабочих Урала в Гра-

жданской войне на стороне красных отражено в научной литературе, то изученные автором материалы позволяют очертить нижнюю границу участия рабочих казенных заводов в Белом движении – примерно 1/4 состава рабочих коллективов. Таким образом, раскол в рабочем социуме дошел до вооруженно-противоборства полярных слоев рабочего класса.

Последствия Первой мировой и Гражданской войн привели к сокращению к лету 1922 г. численности рабочих крупной промышленности Урала почти на две трети. Масштаб изменений в рабочих коллективах Урала наглядно свидетельствует, какая часть социальных низов более всего пострадала за период военных и революционных потрясений. В самой же рабочей среде, как установлено нами, наибольшие потери понес социальный слой, ближе всего приближившийся к характеристикам рабочих индустриального общества. Наибольшее сокращение рабочих крупной промышленности Урала произошло в Челябинской и Оренбургской губерниях, а также в Башкирии. В данном случае речь идет как о глубине последствий Гражданской войны, так и о прочности индустриального развития в тех или иных районах Урала. К этому же выводу приводит и анализ отраслевой структуры рабочих крупной промышленности: наибольшее сокращение рабочих кадров постигло наименее механизированные отрасли, прежде всего рудную промышленность и лесозаготовки.

В третьей главе “Рабочие крупной промышленности Урала в годы новой экономической политики. 1922 – 1928 гг.” рассмотрены основные тенденции и динамика количественных и качественных изменений у рабочих крупной промышленности Урала в годы НЭПа после устранения практики применения внешнеэкономических форм организации труда.

Кодекс законов о труде 1922 г. выступал как центральное звено государственной политики по отношению к рабочему классу. Умеренность положений Кодекса 1922 г. отвечала существовавшему уровню экономики Советской России, но противоречила обещаниям правящей партии о быстром переходе к социализму. Этим, в частности, по мнению автора, можно объяснить довольно сдержанную оценку Кодекса о труде 1922 г. в советской литературе. Положения Конституций РСФСР 1918 г. и СССР 1924 г., закрепляющие ведущую роль рабочего класса в социалистическом государстве, носили ритуальный характер. Кодекс о труде 1922 г. в общих чертах соответствовал уровню трудового законодательства развитых капиталистических стран (РКС). В главе обосновывается вывод о том, что процесс формирования законодательства по рабочему вопросу шел эволюционным путем в России и СССР в до- и послереволюционный период. Более конструктивную и конкретизирующую смысловую нагрузку несли решения ВЦИК и СНК, партийных органов, документы съездов Советов, профессиональных союзов, свидетельствующие, что в первое десятилетие советской власти вопросы взаимоотношений государства и рабочих занимали значительное место в работе властных структур. Известны высказывания иностранных и советских историков как отрицающих давление масс на власть, так

и доказывающих обратное. Касаясь спора историков о степени учета властью интересов и настроений рабочих масс, автор пришел к выводу: если мы говорим о первом десятилетии советской истории, то существует значительный пласт документов, подтверждающих влияние рабочих масс на формы и методы политики государства. Вместе с тем наш анализ всего массива законодательных актов, опубликованных в 1922–1928 гг., говорит о следующей закономерности: последовательном снижении удельного веса вопросов, посвященных положению рабочих; заметно (до осени 1927 г. – издания Манифеста ЦИК от 16 октября о постепенном введении семичасового рабочего дня) определенное “обмельчение” тематики правовых документов. К такому же выводу приводит и изучение известных нам материалов Оргбюро ЦК партии за эти же годы. Если к этому добавить, что руководство ВКП (б) приоритетным в развитии экономики определило путь милитаризации, то представляется возможным внести в научную литературу положение о стагнации государственной политики по рабочему вопросу в период 1923–1926 гг. и снижении значимости указанной политики среди приоритетов правящей партии после 1927 г.

Проведенная впервые комплексная обработка результатов Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Уральском регионе позволила автору выявить различные аспекты социального развития рабочих. По материалам переписи 1926 г. численность рабочих крупной промышленности составляла 150 021 человек в Уральской обл., 13 486 – в Башкирии, 11 546 – в Воткинской обл. (Удмуртия) и 3 075 – в Оренбургской губ. Всего же в УЭР насчитывалось 178 128 рабочих крупной промышленности, что составляло 88,2 % от аналогичного показателя в конце XIX в. (201,9 тыс. человек) и 58,8 % от уровня 1914 г. Приведенные цифры опровергают имеющийся в литературе вывод о “завершении собирания сил рабочего класса к 1926 г.” и свидетельствуют о глубине социальных потрясений, в том числе в рабочей среде за 1914–1921 гг. Сказанное верно даже с учетом того, что материалы переписи не учитывали данных о численности трудовых кадров военных заводов (Ижевского и Мотовилихинского), где в 1926 г. работало 20,5 тыс. рабочих. Общая численность рабочих крупной промышленности Урала в этом случае составляла 198 628 человек.

Удельный вес рабочих крупной промышленности Урала среди всех рабочих России и СССР составил 9,9 % в конце XIX века и 7,8 % – в декабре 1926 г. Сопоставив удельный вес рабочих и удельный вес выпуска промышленной продукции Урала, можно сделать вывод: производительность труда рабочих региона в 2 раза в конце XIX века и в 1,5 раза в 1926 г. уступала общероссийским показателям – такова была плата за отставание края в технической области. Перепись населения 1926 г. содержала материалы, позволяющие характеризовать место и роль рабочих в общей массе населения. Удельный вес всех рабочих в самостоятельном населении составлял в Уральской обл. – 8,7 %, в Вотской обл. – 8,1 %, Оренбургской губ. – 6,2 %, в Башкирии – 4,3 %, а в целом по Уралу – 7,1 %. Удельный вес рабочих крупной промышленности в общей массе само-

деятельного населения был значительно меньшим – 3,1 % по Уралу. Удельный вес рабочих в самодеятельном населении незначительно изменился в сравнении с показателями 1897 г., и это объяснялось последствиями эпохи войн и революции.

Что касается удельного веса фабрично-заводских рабочих в общей массе рабочих, то здесь на первом месте стояла Вотская обл. (63,5 %), затем шла Уральская обл. (43,5 %), Башкирия (19,5 %), Оренбургская губ. (11,6 %). Столь широкий диапазон говорил о существенном различии в уровне индустриального развития внутри региона. В целом же общеуральский показатель (38,5 %) был близок к общесоюзному (40,9 %), но уступал показателю Ленинградско-Карельского района (55,7 %). В конце XIX в. показатель удельного веса фабрично-заводских рабочих в общей массе рабочих Урала равнялся 40,6 %, что подтверждает возвращение структурных характеристик рабочих крупной промышленности Урала к критериям дореволюционного времени.

Перепись 1926 г. показала следующую закономерность: удельный вес квалифицированных рабочих среди всего фабрично-заводского пролетариата возрастал по мере роста численности населения уральских городов, т.е. усиления воздействия городской культурной среды. Характерно, что рост удельного веса квалифицированных рабочих относительно всех рабочих мало изменялся в городских поселениях от 500 до 20 тыс. человек (рост на 5,5 %), зато в населенных пунктах от 20 до 50 тыс. этот показатель возрастал на 11 %, а в городах с населением более 100 тыс. человек – на 24 %. На декабрь 1926 г. более трех пятых рабочих крупной промышленности Урала родились в городских поселениях, в основном в фабрично-заводских поселках. Практически весь массив рабочих, родившихся в городах и поселках городского типа (96,9 %), в 1926 г. проживал там же. Сравнительный анализ материалов переписей 1897 и 1926 гг. показывает сохранение целого ряда существенных характерных черт рабочего социума Урала в 1926 г. Учитывая длительность рассматриваемого этапа (1897 – 1926 гг.), справедливо сделать вывод об определенной цивилизационной поддержке развития и сближения различных социальных групп рабочих крупной промышленности Урала, вызванной периодом войн и революций.

В диссертации анализируются вопросы материального положения рабочих в годы НЭПа. Материалы переписи 1926 г. несут комплексные данные о жилищных условиях рабочих крупной промышленности Урала. В декабре 1926 г. 59,3 % рабочих крупной промышленности Урала жили в собственных домах. Удельный вес рабочих, проживающих в собственных домах, был выше в бывших центрах казенной промышленности края – в Ижевске, Мотовилихе он составлял 62–64 %. Жилье у предприятий снимали 25 % рабочих цензовой промышленности, в том числе 12,5 % за плату и 12,5 % бесплатно. Удельный вес рабочих, живущих в помещениях от предприятий, заметно отличался в зависимости от отрасли: от 100 % в асбестовой промышленности, 81,8 % – на рудниках по добыче медной руды, 65 % – на каменноугольных копях, до 19,3 % – в

пищевой индустрии, 11,3 % – в металлопромышленности, в том числе, 1,5 % – в машиностроении и 0,2 % – в полиграфическом производстве. Как видно из приведенной статистики, степень механизации отрасли была обратно пропорциональна удельному весу рабочих, связанных с государственным жильем. На основании ситуации с жильем в главе сделан вывод: рабочие более передовых отраслей индустрии в меньшей степени зависели в быту от государства, чем пролетарии горнодобывающего комплекса и слабо развитой в крае легкой и пищевой промышленности.

В диссертации показано, что в рабочем социуме Урала середины 20-х гг. видны различные социальные слои в зависимости от размеров владения жильем. Жилищные условия 12 % рабочих крупной промышленности Урала, согласно переписи декабря 1926 г., превышали санитарную норму на одного человека (8,25 м²). Как правило, эта категория рабочих являлась владельцами прочных, основательных домов дореволюционной постройки, позволяющих рабочим удовлетворять бытовые потребности и восстанавливать силы. 45,1 % рабочих располагали жильем от 3 до 8 м² на человека. Будучи в своей массе владельцами собственного жилья, эта категория лиц могла лишь частично надеяться на восстановление сил. Третьей категорией рабочих были пролетарии, на долю которых приходилось менее 3 м² жилой площади. Удельный вес этой социальной группы составлял 42,9 % и был близок к показателю рабочих, не имеющих собственного жилища (40,1 %), и к массиву рабочих, проживающих в бараках (одна треть). Подобное неравенство особенно остро ощущалось в условиях более чем скромного быта 20-х гг., и это неравенство не было региональной спецификой. Средняя норма обеспеченности жильем у рабочих крупной промышленности УЭР (4,8 м²) превосходила аналогичный показатель по СССР (4,65 м²), несколько уступая ему у рабочих Удмуртии и Башкирии (4,21 м²), но превышая у рабочих Уральской области (4,86 м²). Таким образом, можно сделать вывод о близости показателей обеспеченности жильем у промышленных рабочих Урала и СССР. Что же касается рабочих крупной промышленности, владеющих собственным домом или квартирой, то удельный вес указанной категории тружеников составлял на Урале 63,2 %, а в СССР – 42,3 %.

Согласно данным обследования 1926/27 г., 73,6 % рабочих крупной промышленности Урала имели личное хозяйство, 23,2 % обрабатывали пахотные участки. Характерная деталь: удельный вес заводских рабочих, владеющих земельными участками, был в 1,7 раза выше, чем рабочих вспомогательных профессий. В то же время если 42 % последних были связаны с обработкой пашни, то у заводских рабочих этот показатель был в 1,6 раза меньше. У рабочих, владеющих личными хозяйствами, общий доход в 1,3–1,4 раза превышал аналогичный показатель у рабочих, не имеющих личных хозяйств. О потребительском характере хозяйств рабочих говорил тот факт, что отчуждение продуктов на сторону составило всего 5 % всей валовой продукции. Основное значение

имели, во-первых, огород, обеспечивавший 2/3 годовой потребности в овощах, во-вторых, молочное хозяйство, дававшее 80–90 % потребляемых молочных продуктов, в-третьих, лесной надел, где заготавливалось 3/4 годовой потребности в топливе. При наличии сходных черт быта в горнозаводских поселениях Урала, отмечается в диссертации, прослеживаются существенные различия в доходных бюджетах рабочих. Так, расходы на питание в семьях малоимущих рабочих (с доходом на одного взрослого в год менее 200 руб.) составляли 60 – 63 %, тогда как у высокооплачиваемых (с аналогичным доходом более 350 руб.) – 49 %. Малообеспеченные рабочие не могли себе позволить расходы на лечение, в то время как траты высокооплачиваемых рабочих по этой графе вдвое превосходили среднюю величину по всем семьям. Разница расходов наиболее малообеспеченных (доход менее 150 руб.) и наиболее высокооплачиваемых (доход свыше 400 руб.) рабочих на культурные нужды составляла 3,6 раза, а на все виды затрат – 2,2 раза. Характерной чертой являлись невысокие темпы роста удельного веса расходов рабочих крупной промышленности Урала на культурно-просветительные цели: с 1,5 % в 1922 г. до 1,8 % в 1928 г. Сумма расходов рабочих ценовой промышленности Урала в среднем на культурные и общественно-политические нужды – 2,9 % в 1926 г. и 3,8 % в 1928 г. – уступала расходам на алкоголь (4,4 %). Расходы на культурно-просветительные нужды рабочих Урала в 2,6 раза уступали соответствующим расходам рабочих Москвы и в 3 раза рабочих Ленинграда. Укажем на принципиально важный сюжет: удельный вес расходов на культурно-просветительные нужды по категории “высокооплачиваемые рабочие” в 1928 г. составили 3,8 %, тогда как в начале XX в. этот показатель на Урале был близок к 5,4 %. Таким образом, сопоставление данных бюджетных обследований показывает, что и у квалифицированных рабочих к 1928 г. снизились в сравнении с дореволюционными годами (в относительном и абсолютном выражении) расходы на культурные нужды.

О характере перемен в области общеобразовательной подготовки за годы войн и революционных потрясений можно судить по материалам переписи 1926 г. Итоги переписи показали практически удвоение уровня грамотности рабочих крупной промышленности Урала в сравнении с 1897 г. (с 41,7 до 79,8 %) и рост более чем на треть в сравнении с 1913 г. (Показатель грамотности за 1913 г. был получен при использовании методов экстраполяции и корреляции и уравнивания прямой.) Такой рост, несмотря на войны, позволил автору сделать вывод о воздействии новых принципов и форм обучения трудящихся. Сравнительный анализ материалов переписей 1897 и 1926 гг. свидетельствует о тенденции к сближению по уровню грамотности различных отрядов рабочего класса региона. Так, разрыв между показателями самого высокого и самого низкого уровня грамотности в зависимости от возраста сократился с 2,9 раз в 1897 г. до 2,6 раз в 1913 г. и 2 раз в 1926 г. Вместе с тем если в 1926 г. 85–88 % рабочих крупной промышленности Урала в возрасте до 35 лет являлись гра-

мотными, то у их коллег старше 50 лет этот показатель колебался от 61,1 до 40,3 %, сокращаясь в среднем на 1 % в год.

Селективный патернализм государственной политики по отношению к различным частям рабочего класса сохранился. Однако если до октября 1917 г. государство преимущественно поддерживало наиболее развитую часть рабочих, то после революции патернализм, в рамках курса на выравнивание доходов населения, был обращен прежде всего к наиболее отсталой части пролетарской массы. В качестве примера в главе приводится последовательное сужение в годы НЭПа диапазона заработков квалифицированных, полу- и неквалифицированных рабочих. Тем самым, и в этом было отличие от довоенного времени, государство недоплачивало в первую очередь тому социальному слою, который был ближе всего к характеристикам индустриальных рабочих.

Анализ материалов профсоюзной переписи 1929 г. привел к выводу о сохранении значительного слоя кадровых рабочих. Так, например, 31 % от всех рабочих крупной промышленности Урала составляли мастеровые, начавшие работу на производстве до 1914 г. Однако руководство правящей партии не чувствовало твердой поддержки у тех слоев рабочего класса, которые по марксистской теории должны были стать ее надежной опорой. Среда кадровых рабочих не стала оплотом правящей партии. Крупные оборонные предприятия сохраняли значительное число рабочих с “мелкобуржуазной психологией”, а среди них – массив участников Белого движения. Приоритетными ценностями для пролетариев Урала оставались не мировые проблемы, а улучшение материального положения. Кадровые рабочие сохраняли религиозные убеждения, сдержанно относились к участию в работе культурно-просветительных учреждений, вступлению в ряды партийных организаций, к курсу правящей партии во всех областях бытия и духовной сферы.

В четвертой главе “Рабочие Урала на новом этапе индустриализации: 1929 – 1941 гг.” рассмотрены основные принципы государственной политики в рабочем вопросе, изменения в количественных и качественных характеристиках рабочих крупной промышленности Урала в годы первых пятилеток, перемены в бытовых условиях. Восстановление народного хозяйства, повышение уровня жизни населения в годы НЭПа позволяло вывести государственную политику по отношению к рабочему классу на новую, более высокую ступень. Показателем эволюции государственных подходов к рассматриваемой проблеме стал первый пятилетний план, вобравший в себя весь опыт социального планирования 20-х гг. в сфере регулирования отношений “государство – рабочие”. В целом принятие пятилетнего плана создавало предпосылки для комплексного поступательного развития рабочих крупной промышленности. В главе характеризуется, как во второй половине 20-х гг. на основе подчинения экономических планов идеологическим программам произошел “запуск” процесса милитаризации народного хозяйства с максимальным использованием опыта Первой мировой войны в области комплектования рабочих кадров. Тайная про-

грамма милитаризации придавала модернизации страны односторонний, военный характер и, как следствие, требовала иных подходов к осуществлению государственной политики по отношению к рабочим крупной промышленности.

В чем же заключалась перемена государственной политики по отношению к рабочему классу? Документы партийных съездов, пятилетних планов, специальных постановлений ЦК ВКП (б) и СНК, вопреки ранее принятым программам, в 30-е гг. сделали ставку на быстрый рост трудовых коллективов, в основном за счет жителей деревни и женщин, т.е. малоквалифицированных рабочих. Шагом назад в области социального страхования стал государственный курс в начале 30-х гг. на использование женщин во всех отраслях промышленности, а в конце 30-х гг. – и во всех профессиях. Делалась ставка на максимальное использование 40 тыс. рабочих-инвалидов труда на Урале. Тем самым выполнение индустриальных планов предполагалось за счет экстенсивных рычагов.

В 1930 – 1932 гг. был принят ряд законов и постановлений, ставших правовой базой для репрессий против рабочих: речь идет о введении уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции; системы принудительной переброски трудящихся на другие предприятия; увольнения, потери права пользования жильем, предоставленным предприятием, продовольственными промтоварными карточками в случае неявки на работу без уважительных причин. Комплекс указанных мер дополняли лишение пенсий рабочих, служивших в Белой армии; предоставление руководству оборонных предприятий права выселять рабочих из жилищ всех форм собственности; постановление СНК о жесткой регламентации премий, зарплат, фондов заработной платы в целом. На основании этого в главе обосновывается вывод о нарастании с начала 30-х гг. ужесточения административных мер по отношению к рабочим. Составной частью курса на ужесточение административных мер стала политика налогового пресса на личные хозяйства рабочих в ходе сплошной коллективизации. Это привело к заметному сокращению личных хозяйств уральских рабочих – весомого подспорья для большинства тружеников региона. Был ослаблен один из тех рычагов, благодаря которому в суровых климатических условиях держалась промышленность края. Следствием этого, общей материально-бытовой неустроенности стала чрезвычайно высокая текучесть в трудовых коллективах промышленности Урала. Фактически текучесть была единственно возможной формой протеста рабочих против политики государства.

В исторической литературе последних лет использование труда заключенных в народном хозяйстве 30-х гг. справедливо соотносится с функционированием тоталитарной системы. Можно было бы объяснить исторической случайностью совпадение показателей удельного веса использования принудительного труда в годы Первой мировой войны и в 30-е гг. (примерно 17 %). Но у этого совпадения существовала объективная основа: комплектование рабочих коллективов на лесозаготовках – наименее механизированного комплекса промышленности, с низкими заработками, фрагментарной социальной защитой –

могло быть реализовано только за счет чрезвычайных мер. В диссертации сделан вывод о рождении чрезвычайной системы трудовых отношений в наиболее уязвимой сфере экономики Урала: в дореволюционный период – в годы Первой мировой войны, а в послереволюционный – в мирное время. Шел процесс насыщения трудовых коллективов Урала слоем людей, готовых к жизни в бараках, к работе в наиболее трудоемких производствах (на лесозаготовках, рудниках).

Государственная политика по отношению к рабочему классу, естественно, не могла опираться только на принудительные рычаги. Удержать тоталитарную власть в социально неоднородной стране можно было пользуясь поддержкой по крайней мере части трудящихся. Вот почему продолжался и расширялся курс на создание привилегированных групп в самой рабочей среде (ударников, стахановцев, рабочих-партийцев). Об уступках властей свидетельствует Постановление СНК в январе 1934 г. “О развитии индивидуального рабочего огородничества”, которое отводило 250 тыс. гектаров для расширения огородов рабочих Урала. Оговорка постановления (земля передавалась на 5 – 7 лет) говорила о предстоящей проверке рабочих на благонадежность. Тем не менее приведенный документ – свидетельство определенной эволюции государственной политики. Властные структуры вынуждены были строить отношения с реальным, а не “книжным” рабочим социумом.

Решения Декабрьского (1935) Пленума ЦК ВКП(б), рассмотревшего специальным вопросом проблемы организации труда и технической учебы рабочих, содержали основы самой серьезной программы повышения культурно-технического уровня рабочих из тех, что принимались в 30-е гг. К позитивным сторонам государственной программы техучебы рабочих непосредственно на производстве следует отнести обязательность и последовательность стадий обучения. Соединение этих принципов с жестким контролем тоталитарного государства позволило обучить в различных звеньях системы техучебы подавляющую часть рабочих Урала и повысить уровень их квалификации.

В главе анализируется практика стахановского движения в регионе, которую автор рассматривает как форму экономического стимулирования труда. Весь опыт советской политики в рабочем вопросе подталкивал Сталина и его окружение к сочетанию “кнута и пряника”. Лесть и славословие в адрес рабочего класса, усиленные тотальной идеологизацией всех сторон жизни, сочетались с созданием системы инструкторов стахановских методов труда, ростом масштабов передачи опыта новаторов. В мае 1940 г. (без сомнения – с опозданием) был сделан вывод об обязательной оплате труда рабочих-руководителей стахановских школ.

В главе раскрывается роль репрессивных мер в государственной политике, обращенной к рабочим. Постановление “О введении трудовых книжек” (1938) ставило социальное обеспечение в зависимость от непрерывного стажа работы на одном предприятии. Осенью 1938 г. было принято постановление об уволь-

нении за прогул. Это только подхлестнуло процессы текучести. Если в 1938 г. с предприятий Главуралмета уволились 85,8 % рабочих от годового среднесписочного состава, то в 1939 г. – 123,2 %. Меньшая по размерам была текучесть на оборонных предприятиях, но и здесь она достигала половины списочного состава рабочих.

Можно было бы говорить о примерно равной тяжести репрессий, выпавшей на долю основных социальных слоев общества в 30-е гг. Однако слой служащих подвергся “орабочиванию”. В Свердловской области, как установлено нами на основе контент-анализа, рабочие крупной промышленности из числа репрессированных в 1937–1938 гг. составляли 24,3 %. Из числа репрессированных в 1937 г. почти треть (30,7 %) были расстреляны, причем из числа расстрелянных – 32,9 % составляли рабочие крупной промышленности. Сопоставление удельного веса рабочих крупной промышленности в самостоятельном населении Урала (18 %), доли в числе репрессированных (24,3 %) и числе расстрелянных (32,9 %) дает основание судить о подлинном отношении сталинского режима по отношению к “классу-гегемону”. Добавим, что во второй половине 30-х гг. быстро сокращается партийная прослойка среди промышленных рабочих. К январю 1941 г. среди рабочих крупной промышленности Урала число членов ВКП(б) не превышало 4 %. Своеобразным итогом “рабочей политики” ВКП(б) стал Указ от 26 июня 1940 г., предусматривавший тюремное наказание за двадцатиминутное опоздание на работу. К началу войны по Указу – самому антирабочему закону в истории СССР – было осуждено 1 264 тыс. человек, однако показатели текучести рабочих оставались высокими.

Анализ государственной политики по отношению к рабочему классу в 1929–1941 гг. позволяет сделать следующие выводы. На протяжении трех предвоенных пятилеток программы модернизации страны носили все более “усеченный характер” и, как следствие, во все меньшей степени учитывали подлинные интересы рабочих. До революции государство, стремясь найти опору в рабочем классе, выход видело в создании особой социальной группы – рабочих казенных заводов. Тем же путем, но другими методами действовало и Советское государство, что объяснялось однотипностью имперской модели развития, военным характером государства до и после 1917 г. Сохранение социальной мобильности подталкивало власть к выделению таких опорных слоев в рабочем классе Урала, как выдвиженцы, партийная прослойка в рабочих коллективах. С завершением формирования управленческого эшелона новой опорой должны были стать стахановцы, сочетавшие квалифицированный труд с преданностью правящей партии. Таким образом, государство выстроило сложную иерархию в рабочем социуме по этатристическому принципу.

За годы индустриализации на Урале вырос территориально-производственный комплекс, который, в частности, смог преодолеть раздробленность региональной экономики по прежним ведомственным признакам. Позитивность этого явления очевидна, так же, как и выдвижение на первый план

среди отраслей промышленности машиностроения и металлообработки и, как следствие, концентрация в этой отрасли 31,3 % рабочих крупной промышленности Урала к 1941 г. вместо 14 % в 1913 г.; появление значительного слоя рабочих, связанных с производством авиамоторов, станков, турбин, электротехники, электроэнергии, т.е., отраслей позднеиндустриального цикла. Сюда же можно отнести и рабочих тех цехов и участков, заводов-гигантов металлургии и химии, где к 1941 г. были проведены работы по механизации производства. Произошел не только количественный скачок – увеличение численности рабочих крупной промышленности Урала с 302,4 тыс. человек до 811,3 тыс., или в 2,7 раза. Примерно четверть рабочих крупной промышленности Урала была в той или иной степени связана со сферой распространения позднеиндустриального труда. В наибольшей степени наш вывод касается предприятий военного сектора, производящих 36 % промышленного производства региона. Вместе с тем в рамках единой региональной экономики сочетались незаконченные преобразования раннеиндустриального этапа модернизации (частичная механизация горнодобывающего и, еще более низкая – лесного секторов экономики) и достижения позднеиндустриальной модернизации, в частности, создание ряда военных заводов в современных отраслях машиностроения на основе поточно-конвейерного производства. Подобная нестыковка сказалась на формировании рабочего класса Урала: наряду с возросшим отрядом индустриальных рабочих как и до революции, сохранялся массив рабочих доиндустриального труда. Традиционно низким оставался и удельный вес рабочих легкой и пищевой промышленности, уступавший более чем вдвое общесоюзному показателю. Выборочный характер модернизации привел к сохранению значительной армии раннеиндустриальных рабочих, занятой во вспомогательных цехах, в горнодобывающей отрасли, в лесозаготовительном комплексе, где механизация труда носила фрагментарный характер и преобладали лица принудительного труда. Следствием стало усиление разнородности рабочих крупной промышленности Урала. Но если к 1914 г. в составе пролетариата Урала преобладали рабочие переходного этапа от мануфактурной к фабрично-заводской эпохе, то к 1941 г. преобладающим слоем стал рабочий страт, характерный для раннеиндустриальной модернизации.

Сравнение результатов переписей 1897, 1926, 1939 гг. позволяет проследить эволюцию рабочих крупной промышленности по возрастным критериям. Наш вывод сводится к убыванию двух возрастных категорий: молодежной – до 19 лет, и рабочих старше 40 лет. Если в первом случае это объясняется воздействием мер по ограничению труда детей и подростков, то во втором – бесчеловечной ценой индустриализации. К 1941 г. в крупной промышленности оставались 8,5 % рабочих старше 50 лет, или менее 70 тыс. рабочих. В этой связи, обратим внимание на то, что наименьший удельный вес рабочих старше 50 лет (6,5 %) приходился на Удмуртию, где основу дореволюционного пролетариата составляли рабочие казенных заводов – слой, наиболее затронутый Граждан-

ской войной и репрессиями. Увеличение численности рабочих крупной промышленности Урала наиболее заметно в период 1928–1941 гг. – в 3,9 раза. В 1914–1940 гг. произошло увеличение женского труда в крупной промышленности с 6 до 40 %. В годы первых пятилеток увеличение женского труда шло по графику Первой мировой и Гражданской войн. Не столько забота о занятости женщин, сколько милитаризация экономики определяла феминизацию рабочего класса.

Отсутствие в материалах переписи 1939 г. интересующих нас данных по национальному составу рабочих позволяет только приблизительно обозначить удельный вес рабочих башкир, татар, удмуртов, составлявших подавляющее большинство той социальной группы, которая относилась к массиву нацменьшинств. В годы первых пятилеток произошло увеличение удельного веса рабочих трех названных национальностей с 6 до 11 %. Таким образом сохранялось традиционное для Урала преобладание русских в среде рабочих крупной промышленности.

О цене индустриализации говорит и распределение рабочих крупной промышленности Урала по величине стажа непрерывной работы. К 1941 г., как установлено нами, только одна треть рабочих работала на своих предприятиях после 1937 г., т. е. более трех лет. Не были исключением и военные заводы. Масштаб текучести, миграции рабочих кадров, достигнув пика в начале и в конце 30-х гг., затруднял формирование постоянных рабочих коллективов, повышение технического мастерства уральцев.

Осуществление программы технического обучения рабочих в годы первых пятилеток следует отнести к разряду наиболее удачных свершений в годы советской власти. Однако глобальные омоложение и обновление рабочих коллективов не могли не отразиться на уровне квалификации рабочих. Со сложными заданиями могли справляться только рабочие 6–8 разряда. Тем значимее было формирование многочисленного слоя квалифицированных рабочих, способных к выполнению сложных заданий. К этому слою относились примерно 20 % рабочих крупной промышленности Урала, продолжавшие традиции мастерства горнозаводского населения края. Большинство рабочих этой категории имело трудовой стаж свыше 10 лет.

2/5 рабочих статистика относил к разряду среднеквалифицированных рабочих (4–5 разрядов). Сопоставляя границы возможного выполнения сложных заданий с сохранением тяжелого физического труда на производстве, уровнем образования рабочих, автор пришел к выводу о том, что термин “полуквалифицированные” рабочие полнее отражает сущность и характеристики этого strata, т. к. в начале 30-х гг. рабочие 3–4 разрядов относились именно к такой категории. Также 2/5 рабочих статистика относил к разряду “малоквалифицированных рабочих”. В главе обосновывается заключение о том, что к 1941 г. квалификация большей части рабочих Урала не отвечала уровню технического прогресса в промышленности.

Сохранялись социокультурные различия в рядах уральских рабочих. Социальный облик большинства квалифицированных рабочих определяли: владение собственным жильем, личным хозяйством; наличие трудового стажа более 10 лет; законченное начальное образование у лиц среднего и старшего возраста и семилетнее – у молодых рабочих; высокий удельный вес потомственных рабочих, потребность в совершенстве технических и общеобразовательных знаний. Эти факторы подталкивали квалифицированных рабочих к общению и сближению с интеллигенцией и служащими, как внешне – прежде всего в одежде, так и в проведении досуга, сфере культурных потребностей. Такому сближению способствовали заработки, близкие к оплате труда инженеров. Отличием от до-революционной эпохи стало отсутствие сословных, т.е. передающихся в зависимости от ведомственной принадлежности и закрепленных в законодательном порядке, привилегий. К отличиям следует отнести и большую разобщенность квалифицированных рабочих, в силу отсутствия собственных независимых организаций.

Среди остальных рабочих крупной промышленности Урала, можно выделить два слоя. Промежуточным слоем являлись средне- и полуквалифицированные рабочие (около 2/5 рабочих крупной промышленности). Незавершенность индустриализации в крупной промышленности Урала обусловила существование обширных зон, в которых механизация коснулась только отдельных производственных процессов и операций. Ставка на количественные показатели гарантировала низкие требования к выполняемой работе. Отсюда многочисленность данной категории, длительность сохранения ее в рабочем социуме. Отличительными чертами этой социальной группы являлись начальное образование и окончание, помимо техминимума, курсов повышения квалификации. Вместе с тем возможность трудиться, не повышая свой культурный уровень, препятствовала занятиям рабочих в системе технической и общеобразовательной учебы. Преобладание ручного труда, невысокие заработки, низкое качество жилья и питания, одежды в определенной степени компенсировались рядом форм социальной защиты: всеобщей занятостью, гарантированным минимумом товаров и услуг, бесплатным медицинским обслуживанием и образованием. Сохранялась и надежда на “лучшее завтра”. Причудливое сочетание столь разных сторон бытия и сознания вырабатывало у этой категории рабочих стремление не потерять, а сохранить существующее положение.

Страт малоквалифицированных рабочих, связанных в своей массе с тяжелым физическим трудом в горнодобывающем и лесозаготовительном комплексах, вспомогательных цехах предприятий также насчитывал примерно 2/5 рабочих крупной промышленности. Значительную часть этого слоя рабочих составляли выходцы из деревни, т.е. жители городских поселений в первом поколении. Отсутствие собственного жилья и личного хозяйства, жизнь в бараках или в домах барачного типа нередко порождали порочный круг бедности, выходом из которого могли быть поиски лучшей работы (до 26 июня 1940 г.),

асоциальное поведение, либо вера в чудо и патронаж государства. Социальную психологию малоквалифицированных рабочих определяли осознание пребывания на низшей ступени городского социума, а также тесные связи с крестьянством. Среди представителей данного страта были сильны эгалитарные настроения, близкие к официальной идеологии. Отсутствие собственности либо ничтожные ее размеры лишали рабочих зон автономного быта, усиливали зависимость от государственной власти. Образовательный уровень этого страта определялся начальной школой у молодежи и малограмотностью остальных рабочих. Техническая подготовка, как правило, ограничивалась техминимумом. С одной стороны, индустриализация вела к медленному, но поступательному сокращению страта малоквалифицированных рабочих, с другой – многочисленным стратом рабочих крупной промышленности выступали в первой половине 30-х гг. спецпереселенцы, а во второй половине 30-х гг. – заключенные.

Новым явлением в среде рабочих крупной промышленности стало деление не только “по горизонтали”, обусловленное прежде всего состоянием экономики, ходом социального развития, но и “по вертикали” – в зависимости от степени политической лояльности и поддержки режима. Наиболее привилегированным, но и самым малочисленным (примерно 5 % от числа всех рабочих крупной промышленности) выступал страт рабочих-партийцев и высшего слоя стахановцев (нередко это были пересекающиеся группы). При всей пестроте социального состава – среди представителей верхнего слоя стахановцев (а в начале 30-х гг. – ударников) и на Урале, и в СССР преобладали выходцы из села. Парадокс индустриализации – в начале исследуемого периода в роли своеобразной “рабочей аристократии” выступали потомственные рабочие, а в конце 30-х гг. – рабочие в первом поколении – становится понятным, если признать, что в XX в. российская модернизация осуществлялась в рамках перманентного революционного процесса. В этом контексте, революционные потрясения в сословно-иерархической системе общества проецировались на сословно-иерархическую структуру рабочих крупной промышленности. Социальный облик верхнего слоя стахановцев включал черты и квалифицированных, и малоквалифицированных рабочих, но спецификой в данном случае выступали относительная близость к чиновничьему корпусу и максимальное восприятие идеологических программ ВКП(б). Обратим внимание на то, что доля высокооплачиваемых рабочих крупной промышленности, чей заработок вдвое превышал среднюю зарплату, в 1939 г. составляла 12,3 %, тогда как в 1928 г. – 5,8 %, а в 1914 г. – 9,7 % . В главе обосновано положение о том, что, не отказавшись от общего курса на заниженные заработки рабочих, Советское государство возродило – и в больших, чем до революции, размерах – “рабочую аристократию”. Полярным слоем по положению в социуме рабочих крупной промышленности выступали спецпереселенцы и заключенные. Укажем на определенную близость материально-бытовых условий жизни, норм поведения спецпереселенцев и заключенных и малоквалифицированных рабочих; на ту легкость, с которой

совершался переход из всех слоев рабочих крупной промышленности в страт рабочих-заклученных.

В 20–30-е гг. общеобразовательная подготовка рабочих крупной промышленности Урала в основном ограничивалась рамками начальной школы. В сочетании с переходом в 30-е гг. школ ФЗУ к узкоремесленной подготовке рабочих вместо политехнической подобный перекоc вел к формированию у рабочих технократического восприятия действительности. Таким образом, выборочный характер модернизации диктовал и выборочный характер образования и, как следствие, вел к однобокости формирования культурного уровня рабочих. Культурные запросы квалифицированной части рабочих к концу 30-х гг. требовали постоянного роста знаний. В наибольшей степени эта потребность удовлетворялась в рамках технической учебы, в наименьшей степени – в области познания мировоззренческих дисциплин. В широком смысле, о росте культурного уровня можно говорить применительно к квалифицированным рабочим крупных городских поселений, где и были созданы основные центры рабочего образования.

Глубина социокультурных различий не исключала и наличия общих черт в условиях труда и быта. Для большинства рабочих были очевидны достижения индустриализации в 30-е гг., которые пропаганда выдавала за успехи социализма, автоматически повышающие уровень жизни. В этом кроются не только причины поддержки (безусловно, в различной форме) социалистического эксперимента. Положительное отношение к власти подкрепляла практика социальной мобильности и ее пропаганда – в частности, подчеркивание рабочего происхождения больших и малых руководителей. К традиционным общим чертам уральских рабочих, формирующих социальный облик, следует отнести и особое отношение к заводам как кормильцам; привязанность к личному хозяйству – средству выживания и форме взаимодействия с природой; высокий уровень религиозности. Рабочие крупной промышленности Урала не выступали безропотной, послушной и забитой массой. Противодействие уральских рабочих наиболее утопическим шагам советской власти вносило коррективы в курс правящей партии. Неудача попытки лидеров СССР, организовав движение ударников, а затем и стахановцев, сделать ставку в основном на моральные стимулы, заставила руководство страны на рубеже 30-х – начала 40-х гг. спешно увеличить заработную плату рабочим оборонных предприятий, в тяжелой промышленности в целом. Запоздалость мер в социальной области стало причиной того, что удельный вес промышленности Урала составил в 1940 г. не 10–12 %, как это планировалось, а 6,8 % от союзного производства, а производительность труда в 1,23 раза уступала аналогичному показателю в СССР. Вместе с тем заметно и сближение показателей производительности рабочих крупной промышленности на Урале и в стране в целом: в 1913 г. отставание составляло 1,9 раза. На Урале, как показано в диссертациях, возник не тот рабочий класс, на который рассчитывали лидеры СССР. В своей массе рабочие крупной промыш-

ленности Урала к 1941 г. оказались вне принадлежности к Коммунистической партии, вне атеизма – по сути, ставшего государственной идеологией, вне – самого понятия “социалистический рабочий”, т.к. упорно держались за личную собственность в городских поселениях, либо сохраняли связь с имуществом родни в деревне.

Приходится констатировать еще один парадокс индустриализации: за исследуемый период выросли различия социокультурного и правового характера между полярными слоями рабочего социума Урала, что ограничивало возможности модернизации в регионе. Социальная и культурная неоднородность рабочих крупной промышленности ширила масштаб противоречий советского общества. Подлинное морально-политическое единство рабочих могло проявиться только в чрезвычайных условиях. Отличительной чертой структуризации рабочего класса Урала и СССР стало массивное воздействие идеологических факторов и, как следствие, более дробное внутреннее деление рабочего социума. Такое деление позволяло военизированному государству выстраивать в мирное время иерархию неравенства и подчинения внутри рабочих промышленности.

В заключение диссертации сформулированы основные выводы исследования, подведены итоги изучения проблемы.

Основные положения и выводы диссертации с достаточной степенью полноты изложены в следующих публикациях автора:

1. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. (численность, состав, социальный облик). Екатеринбург: УРГУ, 2001. 430 с.
2. К вопросу о культурно-техническом уровне рабочего класса Урала в годы третьей пятилетке: (1938 –июнь 1941 гг.) // Индустриальные кадры Урала в условиях социализма. Свердловск: УРГУ, 1986. С.15 – 21.
3. Заметки по поводу статьи “Поворот 1929 г. и альтернатива Бухарина” // Вопросы истории КПСС. 1989. № 7. С. 26 –27.
4. К вопросу о культурно-техническом уровне рабочего класса Урала в годы третьей пятилетке: (1938–июнь 1941 гг.). Историографический аспект // Методология, Историография и источники изучения исторического опыта регионального развития: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. Свердловск, 23 –25 окт. 1990 г. Свердловск: ИИиА АН СССР, 1990. С.134 – 136.
5. Уральские организации ВКП (б) в 1938 –1941 гг.// История репрессий на Урале в годы советской власти: Тез. докл. регион. науч. конф. 25–26 окт. 1994 г. Екатеринбург, 1994. С. 131–132.
6. Советская экономика и люди в 1930-е гг. // Ценности и идеология в современной России: Тез. докл. межвуз. конф. Екатеринбург: УГТУ, 1996. С.89–90.
7. Интеллигенция и рабочий класс: враги? союзники? // Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры: Тез. докл. Всерос. науч. конф. Екатеринбург: ИИиА УРО РАН, 1999. С. 265 –267.

8. Модернизация как социально-философская концепция истории рабочего класса в России. // Урал индустриальный: Третья регион. конф. Екатеринбург: УГТУ, 1999. С.55–57.
9. Рабочие Урала накануне и в годы Первой мировой войны: инволюционный путь развития // Вторые уральские военно-исторические чтения: Материалы регион. науч. конф. Екатеринбург, 2000. С. 92–94.
10. Рабочие Урала и старые специалисты в 20-е гг. XX века // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России: Тез. докл. Всерос. науч. конф. 14–15 апр. 2000 г. // Екатеринбург: УРГУ, 2000. С. 209 –212.
11. К вопросу о численности рабочих Урала после Гражданской войны // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: Материалы международн. науч. конф. Екатеринбург, 29 нояб. –2 дек. 1999 г. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 194 –197.
12. Рабочие Урала в преддверии и в годы революции и Гражданской войны: приобретения и потери // Урал в событиях 1917 –1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск: ЧГУ, 1999. С.151 –164.
13. Историческая литература 20-х гг. о социальном облике рабочих Урала. // Вторые Татищевские чтения. Екатеринбург: ИИиА УРО РАН, УРГУ, 1999. С. 297–301
14. Рабочий класс Урала в 1913 – 1941 гг. // Социально-экономические и экологические проблемы современности: Тез. докл. международн. науч.-техн. конф. Екатеринбург: УЛТА, 1999. С. 47–48.
15. Промышленность и рабочий класс Урала к июню 1941 г. // Урал в стратегии второй мировой войны: Материалы международн. науч. конф. Екатеринбург: ИИиА УРО РАН, 2000. С.168 –171.
16. Рабочие Урала в 1900 – 1917 гг.: численность и состав // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург: УРГУ, 2000. С.392 –399.
17. Рабочий класс Урала в контексте модернизации в 1900 –1940 гг. // Уральский исторический вестник. № 5– 6. Екатеринбург: ИИиА УРО РАН, 2000. С. 352 –360.
18. Общеобразовательный уровень рабочих Урала в 1914 – 1926 гг. // Урал на пороге третьего тысячелетия: Тез. докл. и сообщений Всерос. науч. конф. Екатеринбург: ИИиА УРО РАН, 2000. С. 373 – 376.
19. Всесоюзная перепись населения 1926 г. как источник по истории рабочих промышленности Урала // Документ. Архив. История. Современность: Материалы науч.- практ. конф. Екатеринбург: УРГУ, 2000. С. 153–157.
20. Последнее предупреждение: статьи А.П.Таняева в уральской печати в 1930-е гг. // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург: ИИиА УРО РАН, УРГУ, 2000. С. 388 – 391.
21. Государство и рабочие в 1914 –1928 гг.: исторические и политико-правовые аспекты (на примере Урала) // Судьба России: образование, наука, культура: Докл. Четвертой Всерос. конф. Екатеринбург: УРГУ, 2001. С. 284 –297.

22. Интеллигенция и общеобразовательный уровень рабочих Урала в 20-е гг. XX в. // Российская интеллигенция: критика исторического опыта: Тез. докл. Всерос. науч. конф. 1–2 июня 2001 г. // Екатеринбург: УРГУ, 2001. С. 198 – 201.
 23. Численность и состав рабочих крупной промышленности Урала в 1914 – 1922 гг. // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 110 – 120.
 24. Численность и состав рабочих крупной промышленности Урала в 1922– 1926 гг. // Вестник ЧГУ. 2001. № 1. С. 64 – 77.
 25. Численность и состав рабочих крупной промышленности Урала в 1939– 1941 гг. // Уральская провинция и региональное развитие России: исторический и социокультурный опыт. Екатеринбург: ИИиА УРО РАН, 2001. С. 318 – 325.
- Всего по теме диссертации опубликовано 36 печатных работ общим объемом 40,3 п. л.

Подписано в печать 26.11.012. Формат 60×84 1/16
Бумага типографская. Усл. печ. л. 2,2. Тираж 100 экз.
Заказ №328. Печать офсетная.
Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51. Типолаборатория УрГУ